

ПЕРЕД
ВОСХОДОМ
СОЛНЦА

СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Г. СНИМЩИКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Краузе — владелец хутора.
Фрау Краузе — его вторая жена.
Елена } дочери Краузе от первого брака.
Марта }
Гофман — инженер, муж Марты.
Вильгельм Кааль — племянник фрау Краузе.
Фрау Шпиллер — приживалка фрау Краузе
Альфред Лот.
Доктор Шиммельпфенниг.
Бейбст — работник в имении Краузе.
Густа }
Лиза } служанки в имении Краузе.
Мария }
Баэр — по прозвищу Гопля-Баэр.
Эдуард — слуга Гофмана.
Миля — горничная фрау Краузе.
Жена возчика.
Голиш — по прозвищу Гош, подпасок.
Посыльный.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната с низким потолком. На полу дорогие ковры. Обстановка новомодная, но на крестьянский лад. Картина, висящая на стене, изображает повозку с четверкой лошадей, управляемых возницей в синей блузе.

М и л я, крепко сложенная крестьянская девка, с несколько туповатым выражением красного лица, открывает среднюю дверь и впускает А л ь ф р е д а Л о т а. Лот — широкоплечий, коренастый человек среднего роста с решительными, но несколько неуклюжими движениями. Белокурый, глаза голубые, усики — белесые, жидкие. Его худое лицо выражает ровное, спокойное состояние духа. Одет аккуратно, хотя и немного старомодно. На нем летнее пальто, через плечо сумка, в руках палка.

М и л я. Входите, пожалуйста! Сейчас я позову господина инженера. Не угодно ли присесть?

Рывком открывается стеклянная дверь. Деревенская баба с багровым от ярости лицом врывается в комнату. Она одета немногим лучше прачки. Голые красные руки, синяя ситцевая юбка с корсажем, красный в крапинку шейный платок. Ей немного за сорок, у нее злое, чувственное, грубое лицо, относительно хорошо сохранившаяся фигура.

Ф р а у К р а у з е (*кричит*). Эй, девки!.. Ну так и есть!.. Одно горе с этим бабьем!.. Пшел отсюда! Мы не подаем!.. (*Обращается то к Миле, то к Лоту.*) У кого есть руки, тот может работать. Пшел прочь! Нет у нас ничего!

Л о т. Позвольте, хозяйка... вы ведь... я... моя фамилия Лот, я... хотел бы... у меня ни малейшего намере..

М и л я. Они желают говорить с господином инженером.

Фрау Краузе. Знаю-знаю, хочет выклянчить у зятя... А у того у самого ничего нет, все здесь наше, не его!

Открывается дверь справа.

Гофман (*высовывает голову*). Мамаша! Я попросил бы... (*Выходит, идет к Лоту*.) Что вам угод... Альфред! Это ты, дружище? Боже праведный, ты?! Вот это... Вот это ты здорово придумал!

Гофману года тридцать три. Он высокого роста, стройный, худощавый, одевается по последней моде, чисто выбрит и изящно причесан, на пальцах дорогие кольца, в манишке булавка с бриллиантом, на часовой цепочке брелоки. Волосы и усы у него черные и выхоленные. Черты лица острые, как у птицы, выражение неопределенное, глаза черные, живые, по временам беспокойные.

Лот. Я, собственно говоря, совсем случайно...

Гофман (*взволнованно*). Очень, очень приятно... Но прежде всего разденься! (*Пытается снять с него сумку*.) Такой приятный сюрприз... (*Взяв у Лота шляпу и палку, кладет их на стул возле двери*.) Лучше не придумать. (*Возвращаясь*.) Лучше прямо ничего не придумать...

Лот (*снимая с себя сумку*). Я, собственно говоря... Я совершенно случайно завернул... (*Кладет сумку на стол, стоящий на переднем плане*.)

Гофман. Садись, пожалуйста! Ты, верно, устал. Садись, прошу тебя!.. Ты помнишь? Когда ты меня навещал, у тебя всегда была привычка бросаться на диван так, чтоб пружины трещали... Иногда они даже лопались. А ну-ка, покажи, как ты это делаешь!

Фрау Краузе смотрит на них с изумлением и затем уходит. Лот усаживается в одно из кресел, стоящих вокруг стола на переднем плане.

Выпьешь чего-нибудь? Говори, чего тебе?! Пива? Вина? Коньяку? Кофе? Чаю? В этом доме есть все.

Из зимнего сада, читая, входит Елена. Ее высокая, несколько плотная фигура, белокурые, необыкновенно пышные волосы, выражение лица, модная одежда, движения, да и весь ее облик — не могут скрыть ее крестьянского происхождения.

Елена. Послушай, зять, не мог бы ты... (Замечает Лота и быстро отстывает.) Ах, простите, пожалуйста! (Уходит.)

Гофман. Останься, останься же!

Лот. Это твоя жена?

Гофман. Нет, сестра жены. Разве ты не расслышал, как она меня величала?

Лот. Нет.

Гофман. Хороша! Верно?.. Но скажи все же, чего тебе: кофе, чаю, грогу?

Лот. Спасибо, спасибо за все.

Гофман (предлагает сигары). Но от сигары ты не откажешься? Как, тоже не хочешь?

Лот. Спасибо, нет.

Гофман. Завидная нетребовательность! (Закуривая сигару.) Это пепел, то есть этот табак... Ах, черт, я хотел сказать — дым... этот дым тебя не беспокоит?

Лот. Нет.

Гофман. Если бы у меня не было хоть этого... ах, боже, этой искорки жизни!.. Но, сделай милость, расскажи что-нибудь... Целых десять лет... Ты, впрочем, очень мало изменился... Десять лет — чертовски большой кусок времени... А что поделявает, как его, Шну... Шнурец, кажется, так мы его звали? А Фипс... и вся наша тогдашняя веселая банда? Сохранил ли ты хоть кого-нибудь из них в поле зрения?

Лот. А разве ты ничего не знаешь?

Гофман. Чего?

Лот. Да что он застрелился.

Гофман. Кто? Кто еще застрелился?

Лот. Фипс! Фридрих Гильдебрандт.

Гофман. С чего бы это?

Лот. Да, он застрелился!.. В Грюневальде, в очень красивом месте на берегу Гафельзее. Я был там, оттуда видно Шпандау.

Гофман. Гм!.. Вот уж не ожидал бы от него такого, он ведь никогда не был героем.

Лот. Поэтому он и застрелился... Он был совестливым, очень совестливым человеком.

Гофман. Совесть? При чем здесь она?

Лот. Именно она... Не будь ее, он бы не застрелился.

Гофман. Я не совсем понимаю.

Лот. Ты, верно, еще помнишь, какого цвета были его политические убеждения?

Гофман. По-моему, зеленого.

Лот. Конечно, ты можешь считать их незрелыми. Но в одном ты ему не откажешь, — он был талантливым малым... Пять лет работал штукатуром, затем еще пять голодал, так сказать, на свой страх и риск и при этом лепил маленькие статуэтки.

Гофман. Ужасные вещи. Я хочу, чтобы искусство веселило меня... Не-ет! Искусство такого сорта мне не по вкусу.

Лот. Мне оно тоже было не по вкусу, но он стоял на своем. Пройшей весной был объявлен конкурс на памятник. Надо было увековечить какого-то сиятельного князька. Фипс принял в нем участие и получил премию. Вскоре он и застрелился.

Гофман. При чем же тут совесть, мне что-то не ясно... Я могу назвать это только блажью... червоточной... сплином... чем-то таким.

Лот. Да, именно таково и всеобщее мнение.

Гофман. Мне очень жаль, но я не могу не присоединиться к нему.

Лот. Ему теперь совершенно безразлично, что...

Гофман. Ах, оставим это. Мне его так же жалко, как и тебе, но... ведь он уже все равно мертв, этот славный парень... Расскажи мне лучше о себе, что ты делал, как тебе жилось?

Лот. Со мной все было так, как я того и ожидал... Разве ты ничего обо мне не слышал?.. Не читал в газетах?

Гофман (*несколько смущенный*). Нет, ничего.

Лот. Ты ничего не знаешь о лейпцигской истории?

Гофман. Ах, об этом!.. Да!.. Я хочу сказать... ничего точного.

Лот. Так вот дело обстояло так...

Гофман (*берет Лота под руку*). Слушай, прежде чем ты начнешь... Ты в самом деле не хочешь ничего выпить?

Лот. Может быть, позднее.

Гофман. А рюмочку коньяку?

Лот. Ну, нет. Уж этого ни в коем случае.

Гофман. А я пропущу рюмочку... Нет ничего лучше для желудка. *(Достает из биффета бутылку и две рюмки и ставит их на стол перед Лотом.)* Рекомендую, Grand Champagne, лучший сорт... Может, отведаешь?..

Лот. Благодарю.

Гофман *(залпом выпивает рюмку)*. Э-эх!.. Ну, а теперь я весь внимание.

Лот. Одним словом... влетел я тогда здорово.

Гофман. Кажется, на два года?!

Лот. Именно! Но ты, видно, все знаешь. Я получил два года тюрьмы, а потом меня еще выгнали и из университета. Мне тогда исполнился двадцать один год... Ну, что же, за эти два года тюрьмы я написал свою первую книгу по вопросам народного хозяйства. Не скажу, что мне доставило большое удовольствие сидеть за решеткой, врать не буду.

Гофман. Ну как мы могли быть такими! Просто удивительно! Надо же всерьез вбить себе такое в голову. Все это было чистейшее ребячество, ты понимаешь меня!.. Переселиться в Америку нам, дюжине желторотых! Нам основать образцовое государство! Восхитительный спектакль!

Лот. Ребячество?! Как тебе сказать!.. В некотором отношении это было действительно ребячеством! Мы не подготовились ко всем трудностям такого дела.

Гофман. А то, что ты действительно с голыми руками совершенно серьезно отправился в Америку... Ну подумай только, что это значит — с голыми руками приобрести в Америке землю для образцового государства. Ведь это же почти идио... Во всяком случае, это весьма наивно.

Лот. А между тем я вполне удовлетворен результатами своей поездки в Америку.

Гофман *(хохочет)*. Лечение холодным душем, ты это имеешь в виду?..

Лот. Возможно, что мой пыл немного охладили, но ничего особенного со мной не случилось. Каждый человек должен пройти через свои разочарования. Но я

далек от того, чтобы отрицать пользу этих... ну, скажем, горячих времен. Они были вовсе не такими уж наивными, какими ты их себе представляешь.

Гофман. Не знаю, разве?!

Лот. Вспомни только все тогдашние ребячества: разноцветные корпорации в университете, пьянство, драки. Чего ради был весь этот шум? Как любил говорить Фипс: что нам Гекуба?.. Но речь шла вовсе не о Гекубе. Мы стремились к самым высоким человеческим идеалам. И, несмотря ни на что, это наивное время помогло мне начисто освободиться от предрассудков. От религиозных иллюзий, и от мнимой морали, и от многого еще...

Гофман. В этом я согласен с тобой. Если теперь я человек просвещенный и непредубежденный, то этим я безусловно обязан временам нашего общения... Да, конечно... Меньше, чем кто-нибудь, я способен это отрицать. И вообще ничто человеческое мне не чуждо. Не нужно только пытаться прошибать лбом стену... Не нужно усугублять бедствия, от которых, к несчастью, страдает нынешнее поколение. Пусть все спокойно идет своим естественным путем. Что должно быть, то будет! Надо действовать практически, практически! Вспомни-ка! Я и раньше это подчеркивал, и мой принцип оправдал себя... В том-то и дело! А вы все — и ты в том числе! — поступаете совершенно непрактично.

Лот. Объясни мне, пожалуйста, почему именно?

Гофман. Очень просто! Вы не используете своих способностей. Вот, например, ты: у тебя есть знания, энергия и все прочее, все тебе доступно, все перед тобой открыто! А ты что делаешь? Начинаешь с того, что компрометируешь себя таким образом... Ну, положи руку на сердце, неужели ты ни разу не раскаивался?

Лот. Не в чем мне было каяться, раз меня осудили безо всякой вины.

Гофман. Ну, знаешь, я не могу судить об этом.

Лот. Но сможешь тотчас же, как только я тебе скажу, что обвинительный акт утверждал, будто я создал наш союз только ради партийной агитации. Далее говорилось, что я и деньги собирал для партийных целей. Ты-то знаешь, мы всерьез относились к колони-

ским намерениям, а в отношении денежных сборов — ты сам только что сказал, — все мы были с голыми руками. Следовательно, в обвинительном заключении не было ни слова правды, и ты, как член нашего общества, должен был бы...

Гофман. Погоди... Членом общества я, в сущности-то, и не был... Но я, разумеется, верю тебе без всяких оговорок... Судьи ведь тоже только люди, это надо понимать... Во всяком случае, лучше бы ты действовал практически, избегая всяких иллюзий. И вообще ты столько раз изумлял меня: редактор «Рабочей трибуны», самого темного среди уличных листков, кандидат в рейхстаг от милейшей черни! И что ты от этого имешь?.. Только правильно пойми! Уж меня нельзя упрекнуть в отсутствии сострадания к беднякам, но изменение их участи должно прийти сверху! Да, именно сверху вниз, ведь народ даже не знает, что ему нужно.. Я, видишь ли, ваше «снизу вверх!» как раз и считаю попыткой пробить лбом стенку.

Лот. Из всего, что ты сказал, я не очень много понял.

Гофман. Ах, так, — ну посмотри на меня! У меня свободные руки. Теперь я мог бы сделать кое-что ради идеала... И могу сказать, пожалуй, что моя практическая программа близка к осуществлению... Ну, а вы... по-прежнему с голыми руками... вы-то что намерены делать?

Лот. Да, поговаривают, что ты пробираешься в Блейхредеры.

Гофман (польщенный). Много чести... Пока еще не достиг. А кто это говорит? Каждый трудится на свой лад. И каждому воздается соответственно... Так кто же это говорит?

Лот. Я слышал, когда был в Зуэре, как об этом говорили какие-то два господина за соседним столиком.

Гофман. Ишь ты!.. У меня ведь есть враги!... А что они еще говорили?

Лот. Ничего особенного. Благодаря им я узнал, что ты находишься сейчас в имении своего тестя.

Гофман. И чего только не пронюхают эти люди! Милый друг! Ты даже себе не представляешь, как сле-

дят за каждым шагом человека с положением. Сколько неудобств приносит богатство... А между тем дело простое: моей беременной жене нужна спокойная обстановка и чистый воздух.

Лот. А как же с врачом? Хороший врач — это самое важное в таких случаях. Но здесь, в деревне...

Гофман. Видишь ли... Здесь как раз очень дельный врач. А я на собственном опыте убедился, что добросовестный врач лучше гениального.

Лот. Бывает и так, что у врача добросовестность сопутствует гению.

Гофман. Пусть так. Во всяком случае, наш врач — человек добросовестный. Он, знаешь, тоже этаким идеолог, нашего с тобой покроя... Преуспевает ужасно среди углекопов и крестьян. Они его просто боготворят. Иногда, впрочем, это совершенно невыносимый субъект, этакая ходячая смесь суровости и сантиментсв. Но, как сказано, добросовестность я умею ценить!.. Это превыше всего!.. Да, пока я не забыл... Мне это очень важно... мне нужно знать, кого я должен остерегаться... Слушай!.. Скажи откровенно... я вижу по твоему лицу, что господу за соседним столиком не сказали обо мне ничего хорошего... Скажи мне, пожалуйста, что именно они говорили?

Лот. Мне не следовало бы этого повторять, потому что я хотел попозже просить у тебя двести марок. Да, именно просить, потому что вряд ли смогу когда-нибудь отдать их тебе.

Гофман (*вынимает из внутреннего кармана чековую книжку, заполняет чек, отдает его Лоту*). В любом отделении райхбанка... Я очень рад...

Лот. Так быстро... Это превзошло все мои ожидания. И так!.. Принимаю с благодарностью. И ты, конечно, понимаешь, что злу они служить не будут.

Гофман (*с пафосом*). Каждый труженик достоин своей награды!.. А теперь, Лот, будь добр, скажи мне, что говорили господу за соседним...

Лот. Чепуху они болтали.

Гофман. И все-таки скажи мне, пожалуйста! Мне это просто интересно, ну про-о-сто интересно...

Лот. Речь шла о том, что ты вытеснил отсюда ка-кого-то... Какого-то подрядчика Мюллера.

Гофман. Ра-зу-меет-ся! Именно эта самая притча!

Лот. Они говорили, что Мюллер был помолвлен с твоей нынешней женой?

Гофман. Да, был!.. И что же дальше?

Лот. Я рассказываю тебе все, что слышал. Я полагаю, что ты хочешь в точности знать, о чем болтают люди.

Гофман. Правильно! Итак?

Лот. Если я верно расслышал, этот Мюллер взялся проложить дорогу в здешних горах.

Гофман. Да! С какими-то жалкими десятью тысячами талеров в кармане. Когда же он понял, что этих денег не хватит, он решил быстренько подцепить одну из вицдорфских крестьянских дочек. Он и нацелился на мою нынешнюю жену...

Лот. Мюллер, говорили они, поладил с дочерью, а ты со стариком... Затем он, кажется, застрелился?! А его дорожный участок достроил будто бы ты и при этом изрядно заработал.

Гофман. В этом есть доля истины, но... Я хочу, чтоб ты понял связь между событиями... А какие поучительные факты им еще известны?

Лот. Особенно волновало их, надо сказать, следующее: они подсчитали все прибыли от грандиозной аферы с углем, которую ты будто бы затеял, и при этом называли тебя... Ну, в общем, я не скажу, чтобы они очень лестно о тебе выразились. Короче говоря, они говорили, будто ты напоил шампанским здешних глупых хозяев и уговорил этих мужиков подписать контракт, согласно которому тебе за баснословно ничтожную сумму перешло исключительное право на весь добываемый в их шахтах уголь.

Гофман *(встает, явно задетый за живое)*. Мне хочется сказать тебе, Лот... Ах, к чему все это ворошить?.. Предлагаю лучше поужинать, я зверски голоден. Прямо чертовски голоден! *(Нажимает кнопку электрического звонка, провод которого в виде зеленого шнура свешивается над диваном.)*

Раздается звонок.

Лот. Ну, если ты хочешь, чтобы я остался... тогда будь так добр... Я хотел бы немного привести себя в порядок.

Гофман. Сейчас получишь все необходимое...

Входит Эдуард, он в ливрее.

Эдуард! Проводите господина Лота в комнату для гостей.

Эдуард. Слушаюсь, барин.

Гофман (*жмет Лоту руку*). Минут через пятнадцать прошу к ужину.

Лот. Времени предостаточно. До скорой встречи!

Гофман. До скорой встречи!

Эдуард распахивает дверь и пропускает Лота. Оба выходят. Гофман почесывает затылок, задумчиво смотрит на пол, затем направляется к двери направо. В тот момент, как он бежится за дверную ручку, его окликает Елена, стремительно вошедшая в стеклянную дверь.

Елена. Зять! Кто это был?

Гофман. Один из моих друзей по гимназии. Пожалуй, старейший из них, Альфред Лот.

Елена (*быстро*). Он уже уехал?

Гофман. Нет! Он поужинает с нами... Возможно... Да, возможно, что он здесь и заночует.

Елена. Господи! Тогда я не выйду к ужину.

Гофман. Почему, Елена?

Елена. Что мне делать среди образованных людей? Мое дело — быть с мужиками.

Гофман. Вечные причуды! Сделай милость — присмотри за тем, чтобы стол был в порядке. Будь добра!.. Пусть все будет немного поторжественнее. Мне кажется, он что-то задумал.

Елена. Что же он задумал, по-твоему?

Гофман. Работа крота... рыть, рыть. Ну, ты в этом ничего не смыслишь... Может-быть, я и ошибаюсь, я как-то еще не продумал всего. Во всяком случае, сделай так, чтобы все было привлекательно. Так все же людям легче... Конечно, шампанского! А что, омары из Гамбурга прибыли?

Елена. Кажется, прибыли сегодня утром.
Гофман. Тогда и омаров!

Резкий стук в дверь.

Войдите!

Посыльный с почты (*с ящиком под мышкой. Входя, говорит нараспев*). Вам по-сылка.

Елена. Откуда?

Посыльный. Из Берлина.

Гофман. Так-так! Наверно, детские вещи от Герцога. (*Осматривает пакет, берет квитанцию.*) Ну да, это вещи из магазина Герцога.

Елена. Целый ящик? А не больше ли?

Гофман дает посыльному на чай.

Посыльный (*тем же певучим тоном*). Всего хорошего! (*Уходит.*)

Гофман. Как это — больше?

Елена. Ну как же, здесь прислали вещей по крайней мере на троих детей.

Гофман. Ты ходила с моей женой на прогулку?

Елена. Что же мне делать, если она всегда сразу устает.

Гофман. Ах да, всегда сразу устает... Просто беда! Надо, чтобы она гуляла не меньше полутора часов... Ради бога, она должна делать так, как сказал врач. К чему же тогда врач, если...

Елена. А ты возьми и выгони Шпиллершу! Что я могу поделать с этой старой бабой, которая ей во всем потакает!

Гофман. А что я могу? Я ведь муж... И потом ты же знаешь мою тещу.

Елена (*с горечью*). И очень даже.

Гофман. Кстати, где она?

Елена. С того момента, как пришел господин Лот, Шпиллерша все время ее подзуживает. За ужином она, наверно, опять устроит скандал.

Гофман (*снова углубляется в свои мысли, ходит по комнате. Внезапно всплыв*). Клянусь честью, что я в последний раз терплю подобное в этом доме! Клянусь честью!

Елена. Тебе хорошо, ты можешь уйти куда хочешь.

Гофман. В моем доме никогда не дошло бы до этого... До такого чудовищного порока...

Елена. Не вздумай только приписывать вину мне! Я ей водки не давала. Гони вон эту Шпиллершу. Эх, если бы я была мужчиной!

Гофман (*вздыхая*). Скорее бы все это прошло!.. (*Уходя в дверь справа.*) Итак, свояченица, сделай милость: пусть ужин будет поаппетитнее! А я тут быстро должен закончить одно дело.

Елена нажимает кнопку звонка. Входит Миля.

Елена. Миля, накрывайте на стол! Скажите Эдуарду, чтобы он заморозил шампанское и подал четыре дюжины устриц.

Миля (*обиженным тоном*). Скажите ему сами. Он меня не слушает и всегда твердит, что служит только инженеру.

Елена. Пришли-ка его ко мне!

Миля уходит. Елена подходит к зеркалу, поправляет прическу и платье. Входит Эдуард.

(*Все еще перед зеркалом.*) Эдуард, заморозьте шампанское и откройте устрицы! Так приказал господин Гофман.

Эдуард. Слушаюсь, фрейлейн. (*Уходит.*)

Слышен стук в среднюю дверь.

Елена (*вздрагивая*). Боже!.. (*Нерешительно.*) Войдите!.. (*Громче и тверже.*) Войдите!

Лот (*входит, не здороваясь*). Ах, простите!.. Я не хотел вам мешать... Моя фамилия — Лот.

Елена приседает, как на уроке танцев.

Голос Гофмана за дверью: «Ребята! Прошу без церемоний! Я сейчас выйду... Лот! Это моя свояченица — Елена Краузе. Елена, это мой друг — Альфред Лот. Читайте, что я вас представил друг другу».

Елена. Нет, так не принято!

Лот. Я не сержусь на него, фрейлейн! В вопросах хорошего тона я и сам, как мне не раз говорили, почти варвар... Но, если я вам помешал...

Елена. Что вы!.. Вы мне совсем не помешали... Ничуть. *(После неловкой паузы.)* Это... это очень мило с вашей стороны, что вы разыскали моего зятя... Он так часто сожалеет о том, что друзья его юности совсем позабыли о нем.

Лот. Да, это случилось случайно... Я был все больше в Берлине и в пригородах и совсем потерял Гофмана из виду. Со времен моего студенчества в Бреславле я больше не был в Силезии.

Елена. Значит, вы нашли его совсем случайно?

Лот. Да, совершенно случайно... И как раз в том самом месте, где мне надо заняться своими исследованиями.

Елена. Шутить изволите... Наш Вицдорф — и наука, это невозможно! Какие там исследования в этом убогом гнезде?!

Лот. Вы называете его убогим?.. Но здесь находятся исключительные богатства.

Елена. Да, верно! Но в смысле...

Лот. Я не переставал удивляться. Поверьте, таких крестьянских дворов больше нигде нет. Здесь изобилие действительно выглядывает из всех дверей и окон.

Елена. Вы правы. В здешних хлевах коровы и лошади нередко едят из мраморных кормушек и серебряных яслей. И все это сделал уголь, который был обнаружен под нашими полями. Это он в один миг превратил наших нищих крестьян в богачей. *(Указывает на картину, висящую на задней стене.)* Взгляните-ка сюда. Мой дед был возчиком. Ему принадлежал хуторок, но скудная земля не могла его прокормить, и он занялся извозом... Вот он, в синей блузе; тогда еще носили такие блузы... Мой отец в молодости тоже ходил в такой... Но я думала не об этом, когда говорила про убожество. Просто здесь такая глушь! Никакой пищи для ума. Такая смертная скука!

Входят и выходят Милля и Эдуард. Они накрывают стол справа, в глубине.

Лот. Но бывают же здесь балы или вечеринки?

Елена. Нет, никогда! Мужики пьют, играют в карты, охотятся... А что тут увидишь? *(Подходит к окну и*

указывает рукой на прохожих.) Все больше вот такие типы.

Лот. Гм! Углекопы.

Елена. Одни идут в шахты, другие из шахты, и так все время... Я по крайней мере вижу всегда одних углекопов. Вы думаете, я могу одна выйти из дому? Разве что в поле, через задние ворота. Ведь здесь повсюду такой грубый сброд!.. А как они смотрят на вас, как тарашат глаза — так угрюмо, словно вы только что совершили преступление... Зимой мы иногда катаемся на санках, а они целыми толпами идут себе через горы. Кругом метель и мрак, надо посторониться, но они ни за что не уступят дорогу. Возницам приходится браться за кнут. Иначе не проехать. А как они ругаются вдогонку! Ух! Порой мне даже страшно становилось.

Лот. Вообразите только: именно ради тех людей, которых вы так боитесь, я и приехал сюда.

Елена. Да что вы...

Лот. Совершенно серьезно, как раз они интересуют меня больше всего.

Елена. Только они? И никто больше?

Лот. Да!

Елена. Даже мой зять?

Лот. Да!.. Интерес к этим людям — это нечто совсем иное, более высокое... Простите меня, фрейлейн, вам, наверно, этого не понять.

Елена. Почему же? Я очень хорошо вас понимаю, вы... *(Роняет из кармана письмо, Лот хочет его поднять.)* Ах, не беспокойтесь. Это не имеет значения. У меня переписка с пансионом.

Лот. Вы были в пансионе?

Елена. Да, в Гернгуте. Не подумайте только, что я... Нет-нет, я вас понимаю.

Лот. Видите ли, рабочие интересуют меня ради них самих.

Елена. Да, конечно, это очень интересно... Такой вот углекоп... Если его понять... Есть местности, где их совсем не найдешь, но когда видишь их каждый день...

Лот. Даже когда их видишь каждый день, фрейлейн... Их даже надо каждый день видеть, чтобы находить в них интересное.

Елена. А что делать, если это так трудно найти?.. И что же это такое, вот это самое интересное?

Лот. Интересно, например, что эти люди, как вы говорите, смотрят на всех таким угрюмым и ненавидящим взглядом.

Елена. А почему вы считаете, что это особенно интересно?

Лот. Хотя бы потому, что это не совсем обычно. Мы, прочие, смотрим так не всегда, а только изредка.

Елена. Но почему же они смотрят всегда... так озлобленно, так сердито? На это должна ведь быть причина.

Лот. Совершенно верно! И именно ее я и хочу найти.

Елена. Ах, что вы! Вы меня обманываете. Ну что вам это даст, если вы будете знать?

Лот. Может быть, тогда мы найдем средство, чтобы устранить причину, заставляющую этих людей быть такими безрадостными и ожесточенными... Может быть, мы сможем сделать их счастливее.

Елена *(взволнована и смущена)*. Я должна вам сказать честно, что... Теперь я, кажется, начинаю вас понимать... Для меня все это так... так ново, совершенно ново!

Гофман *(входит в правую дверь. В руках у него пачка писем)*. Ну вот и я. Эдуард! Чтобы эти письма были на почте не позже восьми часов. *(Отдает Эдуарду письма.)*

Эдуард уходит.

Ну, ребята, теперь можно и поесть... Жара здесь невыносимая! Сентябрь, а так жарко! *(Достаёт шампанское из ведра со льдом.)* Вино вдовы Клико! Эдуард знает мои пристрастия. *(Оборачиваясь к Лоту.)* Вы тут ужасно горячо спорили. *(Подходит к заставленному деликатесами столу, потирает руки.)* Ну-с! Выглядит недурно! *(Бросает лукавый взгляд на Лота.)* Не правда ли?.. Да, между прочим, свояченица, к нам сейчас нагрянет гость: Кааль, Вильгельм. Я только что видел во дворе.

Елена делает гримасу отвращения

Гофман. Но, милочка! Ты ведешь себя так, точно я его... Чем я виноват? Разве я его приглашал?

За дверью слышны тяжелые шаги.

Эх, пришла беда — отворяй ворота.

Без стука входит Кааль. Это двадцатичетырехлетний неуклюжий деревенский парень. Видно, что он старается казаться светским и, главное, богатым человеком. У него грубые черты лица, все лицо его выражает смесь глупости и нахальства. Он в зеленой куртке, пестром бархатном жилете, темных брюках и лакированных сапогах. На голове зеленая охотничья шляпа с пегушиным пером. На куртке роговые пуговицы, на часовой цепочке оленьи зубы и т. д. Заикается.

Кааль. Д-д-добрый вечер всей компании! (*Замечает Лота, смущается, замолкает и приобретает довольно жалкий вид.*)

Гофман (*подходит к нему, подает руку, говорит ободряющим тоном*). Добрый вечер, господин Кааль!

Елена (*недружелюбно*). Добрый вечер!

Кааль (*тяжелыми шагами пересекает комнату, подходит к Елене и подает ей руку*). Д-д-добрый вечер и вам, Елена!

Гофман (*Лоту*). Разреши тебе представить господину Кааля. Он сын наших соседей.

Кааль скалит зубы и мнет в руках шляпу. Неловкая пауза.

Прошу к столу, ребята! Все ли здесь? Ах, а где же матушка? Миля, попросите фрау Краузе к столу.

Миля уходит в среднюю дверь.

Миля (*кричит из сеней*). Хозяйка!! Хозяйка!! Идите есть! Вам велят идти есть!

Елена и Гофман смотрят друг на друга и понимающе смеются, затем одновременно смотрят на Лота.

Гофман (*Лоту*). Деревенская простота!

Появляется расфуфыренная фрау Краузе. Она в шелку и с дорогими украшениями. Манера держаться выдает спесь и чванство.

Гофман. А, вот и мама... Разреши мне представить тебе моего друга доктора Лота.

Фрау Краузе (*делает невероятный книксен*). Я так рада. (*После небольшой паузы*.) Уж вы, ради бога, не обижайтесь на меня, господин доктор. Я прежде всего должна перед вами извиниться. (*Говорит чем дальше, тем быстрее*.) Извиниться за мое давешнее обращение с вами. Вы знаете, вы понимаете, просто голова идет кругом от этой уймы бродяг. Вы не поверите, прямо беда с этими попрошайками. Да и крадут они, что твои сороки. Конечно, не в пфенниге дело. Что над пфеннигом трястись. Талера и то не жалко. А вот у Людвига Краузе баба — так жадна, так жадна! Прямо жила какая-то — последнему нищему и то не подаст. Муж ее с досады помер, потому как потерял какие-то две тысячи талеров. Не-ет! Не-ет! Мы совсем не такие. Посмотрите-ка на этот буфет, он обошелся мне в двести талеров без пересылки. Самому барону Клинкову лучшего не видеть.

Вскоре после фрау Краузе вошла фрау Шпиллер. Она маленького роста, кривобокая, одета в поношенное платье фрау Краузе. Пока фрау Краузе говорит, она благоговейно смотрит на нее. Ей около пятидесяти пяти лет. При выдохе она каждый раз издает легкий стон, который, когда она говорит, превращается в звук похожий на «м-м».

Фрау Шпиллер (*покорным, грустно-жеманным тоном, очень тихо*). Господин барон Клинков имеют в точности такой буфет... м-м...

Елена (*к фрау Краузе*). Мама! Не сесть ли нам за стол, а потом... уж...

Фрау Краузе (*молниеносно оборачивается и смотрит на Елену уничтожающим взглядом. Отрывисто и властно*). Это прилично?

Фрау Краузе, собираясь садиться, вспоминает, что не была прочитана застольная молитва. Еще не подавив приступа ярости, она привычно складывает ладони.

Фрау Шпиллер (*читает застольную молитву*).

«Приди, Иисусе, милость нам яви.

Дары, ниспосланные нам, благослови». Аминь

Все шумно усаживаются, угощают друг друга. Атмосфера неловкости понемногу исчезает.

Гофман (*Лоту*). Прошу покорно, дружище! Устрицы?

Лот. Да, попробую. Впервые ем устриц.

Фрау Краузе (*ест устрицу, говорит с набитым ртом*). Вы хотите сказать, в этом сезоне?

Лот. Нет, вообще!

Фрау Краузе и фрау Шпиллер обмениваются взглядами.

Гофман (*Каалю, который сосет лимон*). Мы два дня не видались, господин Кааль. Успешно ли вы поохотились за мышами?

Кааль. Н-н-н-е-ет!

Гофман (*Лоту*). Господин Кааль, видишь ли страстный охотник.

Кааль. М-м-м-ышь — это пре-п-п-подлая амф-ф-ф-и-бия!

Елена (*хохочет*). Прямо комедия! Он убивает без разбора — и домашнюю тварь и диких животных.

Кааль. В-в-в-вчера... я н-на смерть застрелил ст-ст-ст-арую свинью.

Лот. Стрельба — ваше главное занятие?

Фрау Краузе. Господин Кааль стреляет для собственного удовольствия.

Фрау Шпиллер. Словом, охотится за дичью и женщинами, как говаривал его превосходительство министр фон Шадендорф.

Кааль. П-после з-завтра б-будем б-бить го-олубей.

Лот. Это что еще такое: охота на голубей?

Елена. Ах, это невыносимо. Такое жестокое увлечение! Даже уличные мальчишки, которые бьют камнями стекла, не позволяют себе ничего подобного.

Гофман. Ты чересчур строга, Елена!

Елена. Не знаю... Но, по-моему, лучше бить стекла, чем голубей, которых они еще к тому же привязывают к жерди.

Гофман. Но, Елена, нельзя же забывать...

Лот (*разрезая что-то на тарелке*). Это постыдное занятие!

Кааль. Подумаешь, п-пара голубей!..

Фрау Шпиллер (*Лоту*). Господин Кааль... м-м... имеют на своем счету уже двести штук.

Лот. Всякая охота — безобразие!

Гофман. И все-таки неискоренимое. Вот у нас

ищут сейчас лисиц, — надо взять живьем пятьсот штук. Все лесники в округности, да, пожалуй, и во всей Германии, только одним и заняты — лисьими норами.

Лот. На что же так много лисиц?

Гофман. Отправят в Англию, а там лорды и леди удостоят их чести быть затравленными сразу же по выходе из клеток.

Лот. Христианин он или магометанин, скот всегда останется скотом.

Гофман. Мамаша, передать тебе омаров?

Фрау Краузе. Можно, в нынешнем сезоне они хороши!

Фрау Шпиллер. Ах, у милостивой государыни такой тонкий вкус... м-м...

Фрау Краузе. (Лоту). Омаров вы, верно, тоже еще не ели, господин доктор?

Лот. Нет, омаров я ел иногда... Там, на северном побережье, в Варнемюнде, откуда я родом.

Фрау Краузе (Каалью). Видит бог, Вильгельм, иногда сама не знаешь, чего бы еще съесть?

Кааль. Д-да, ви-идит бог, т-т-тетушка.

Эдуард (хочет налить бокал Лоту). Шампанского?

Лот (отстраняет свой бокал). Нет!.. Спасибо!

Гофман. Не дури!

Елена. Как, вы не пьете?

Лот. Нет, фрейлейн.

Гофман. Ну, послушай, ведь это... Ведь так просто скучно.

Лот. Если я выпью, я стану еще скучнее.

Елена. Это интересно, господин доктор.

Лот (бесцеремонно). Что именно? Что я становлюсь скучнее, когда выпью вина?

Елена (несколько смутившись). Нет, ах нет... То, что вы не пьете... Что вы совсем не пьете.

Лот. Что же тут интересного?

Елена (густо покраснев). Это... это необычно. (Еще больше краснеет, смущается.)

Лот (грубовато). Вы правы, к сожалению, это так.

Фрау Краузе (Лоту). Бутылка стоит пятнадцать марок, можете смело пить, доставлено прямо из Реймса. Уж дряни-то мы не предложим и сами не пьем.

Фрау Шпиллер. Ах, поверьте... м-м... господин доктор, если бы его превосходительство господин министр фон Шадендорф... м-м... лично сидел за таким столом...

Кааль. Без вина я н-не м-мог бы жить.

Елена (*Лоту*). Скажите же нам, почему вы не пьете?

Лот. Охотно. Я...

Гофман. А, да что там! (*Берет у слуги бутылку и хочет сам налить Лоту.*) Давай-ка вспомним, дружище, как весело мы проводили время в старину...

Лот. Нет, не трудись, пожалуйста.

Гофман. Ну хоть разочек!

Лот. Нет, не буду.

Гофман. Ну ради меня!

Лот. Нет!.. Нет, я уже сказал... Спасибо, не буду...

Гофман. Но, послушай, ведь это просто причуда.

Кааль (*к фрау Шпиллер*). В-вольному воля...

Фрау Шпиллер почтительно кивает.

Гофман. Конечно, всякий волен... и так далее. Но, должен сказать, не понимаю, что за еда без стакана вина...

Лот. Что за завтрак без стакана пива...

Гофман. Именно, почему бы и нет! Стакан пива даже полезен для здоровья.

Лот. И рюмочка-другая коньяку...

Гофман. Ну, знаешь, если уж и ее нельзя... Из меня ты никак и никогда не сделаешь аскета. Это значило бы отнять у жизни все ее радости.

Лот. Не скажу. Я вполне доволен нормальными радостями, которые не разрушают моей нервной системы.

Гофман. Общество сплошных трезвенников — какая пустота и скука!.. Нет, благодарю покорно!

Фрау Краузе. У знатных людей всегда так много пьют.

Фрау Шпиллер (*почтительно склоняясь верхней частью туловища, спешит подтвердить ее слова*). Джентльмен пьет много и легко.

Лот (*Гофману*). А у меня как раз наоборот. Мне скучно за столом, где много пьют.

Гофман. Конечно, во всем нужна мера.

Лот. А что ты называешь мерой?

Гофман. Ну... надо сохранять рассудок.

Лот. Вот-вот... Значит, ты согласен, что алкоголь вредит рассудку. Вот потому-то я и скучаю за столиком в трактире.

Гофман. Уж не боишься ли ты за свой рассудок?

Кааль. А я н-на днях в-выпил бу-утылку р-рю-десгейм-мера и бу-утылку шампанского. А потом еще бу-утылку б-бордо. И н-ни в одном гла-азу!

Лот (Гофману). Нет, нисколько! Ты ведь помнишь, наверно, что именно я доставлял вас домой, когда вы напивались. Я и сейчас все такой же дюжий медведь, натура здоровая, и бояться мне нечего.

Гофман. Тогда в чем же дело?

Елена. Да, почему же вы тогда не пьете? Объясните нам, пожалуйста.

Лот (Гофману). Я хочу тебя успокоить... Я сегодня не пью потому, что дал слово не употреблять спиртных напитков.

Гофман. Иными словами, ты настолько опустился, что стал таким героем из общества трезвости.

Лот. Да, я полнейший трезвенник.

Гофман. И сколько времени, с позволения сказать, ты собираешься...

Лот. Всю жизнь.

Гофман (отбрасывает нож и вилку, вскакивает со стула). Фу, тюфяк ты этакий! (Садится.) Честно говоря, это ребячество... прости за резкое слово.

Лот. Пожалуйста, называй как хочешь.

Гофман. Но как ты дошел до этого?

Елена. Мне кажется... у вас есть какая-то веская причина.

Лот. Она действительно имеется. Вы, фрейлейн... да и ты, Гофман, вы, вероятно, даже не знаете, какую ужасную роль играет алкоголь в современной жизни... Почитай-ка Бунге, если хочешь составить себе представление об этом... Я хорошо помню слова некоего Эверетта о том, что значит алкоголь для Соединенных Штатов... Заметь при этом, что дело идет о десятилетнем периоде. Он считает, что алкоголь поглотил прямо три

миллиарда и косвенно шестьсот миллионов долларов. Он убил триста тысяч человек, обрек на нищенство сто тысяч детей, загнал в тюрьмы и работные дома многие тысячи людей, он вызвал не менее двух тысяч самоубийств. Он вызвал пожары и бедствия, которые причинили убытков самое меньшее на десять миллионов долларов, сделал вдовами двадцать тысяч женщин и сиротами миллион детей. Его ужасные последствия сказываются на будущих поколениях — на третьем, четвертом... Ну, если бы я дал обет безбрачия, тогда еще я мог бы, пожалуй, запить, но... Ведь все мои предки были здоровыми, крепкими и, насколько я знаю, весьма уравновешенными людьми. Каждое мое движение, каждое препятствие, которое я одолеваю, каждый мой вздох напоминают мне о том, чем я им обязан. Отсюда, видишь ли, и мое решение — передать это наследство во всем его объеме моим потомкам.

Фрау Краузе. Эй, ты!.. Зять!.. А ведь наши углекопы и впрямь слишком много пьют. Тут уж ничего не скажешь.

Кааль. Они пьют, как с-свиньи!

Елена. Неужели пьянство бывает наследственным?

Лот. Существуют целые семьи, которые погибают от этого, — семьи алкоголиков.

Кааль (одновременно к фрау Краузе и Елене). А в-ваш-то старик — т-тоже здорово за-а-к-кладывает.

Елена (бледнеет как полотно, говорит резко). Ах, не болтайте глупостей.

Фрау Краузе. Ну и чванные девки у нас! Ишь ты, принцесса этакая! Может, еще раз выставишь меня вон, а? И с нареченным — на тот же манер. (Лоту, указывая на Кааля.) Ведь это, господин доктор, ее суженый. Дело уже на мази.

Елена (вскакивая). Прекрати! Или я... Прекрати сейчас же, мать! Или я...

Фрау Краузе. Нет, посудите сами... Скажите сами, господин доктор, что же это за воспитание, а? Видит бог, я с ней как с собственным дитем обхожусь, а она совсем как сумасшедшая.

Гофман (успокаивающе). Ах, мама, сделай мне одолжение...

Фрау Краузе. Ну уж нет!.. Я, видите, должна молчать... А эта гусыня... Нет, это уж чересчур... Дрянны этакая!

Гофман. Мама, я прошу тебя...

Фрау Краузе (*все более свирепея*). Чтобы эта девка по хозяйству что сделала... боже упаси! Пары лежек не приберет... Зато Шиллеры разные, и Гёте, и прочие паршивцы, которые только и знают, что врать, — вот они и дурят ей голову. Заболеть можно от всего этого. (*Замолкает, все еще дрожа от ярости.*)

Гофман (*успокаивающе*). Ну.. Она будет опять... Это было, вероятно... не совсем правильно... не... (*Делает знак рукой Елене, которая в сильном волнении, с трудом сдерживая слезы, отошла в сторону.*)

Елена снова садится на свое место.

(*Прерывая тягостную паузу, Лоту.*) Да... О чем это мы говорили?.. Да, правильно, — об этом крепком алкоголе. (*Поднимает бокал.*) Мама! Мир!.. Давай чокнемся... И — да будет мир... Воздадим должное алкоголю, пусть он нас примирит.

Фрау Краузе не совсем охотно чокается с ним.

(*Поворачивается в сторону Елены.*) Елена, у тебя пустой бокал?.. Ах, черт возьми, Лот! Это уже твоя школа.

Елена. Ах... нет... я...

Фрау Шпиллер. Моя милая барышня, такие вещи заставляют глубоко...

Гофман. Раньше ты не была такой неженкой.

Елена (*решительно*). У меня нет сегодня ни малейшего желания пить!

Гофман. Прости, прости, пожалуйста... Нижайше прошу прощения... Да, о чем это мы говорили?

Лот. Мы говорили о том, что встречаются целые семьи алкоголиков.

Гофман (*вновь озадаченно*). Верно-верно, но...

В поведении фрау Краузе заметно все растущее раздражение. Кааль с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться над чем-то, что его ужасно забавляет. Елена наблюдает за Каалем горящими глазами и несколько раз угрожающими взглядами удерживает его от намерения заговорить. Ничего этого не замечая, Лот совершенно спокоен, он сосредоточенно срезает кожуцу с яблока.

Лот. У вас здесь, кажется, этого хв́атает.

Гофман (*с трудом владеет собой*). Чего... чего именно... хв́атает?

Лот. Пьяниц, разумеется.

Гофман. Гм!.. Ты так думаешь?.. Да-да... Конечно, углекопы...

Лот. Не только углекопы. Вот, например, прежде чем прийти к тебе, я видел в трактире одного субъекта, который сидел вот так. (*Опирается локтями о стол, сжимает голову руками и вперяет в стол бессмысленный взгляд.*)

Гофман. В самом деле? (*Его замешательство достигло предела.*)

Фрау Краузе кашляет, Елена по-прежнему смотрит на Кааля, который трясется всем телом от разбирающего его смеха, но сдерживается, чтобы не расхохотаться громко.

Лот. Удивляюсь, что ты не знаешь этого... с позволения сказать, оригинала. Ведь трактир здесь близехонько. Мне сказали, что это местный богач-крестьянин, который проводит буквально все свои дни и годы в этом кабаке за водкой. Он уже превратился в совершенное животное. И этот чудовищно опустошенный, пропитой взгляд, которым он уставился на меня...

Кааль наконец раздражается громким, хриплым неудержимым смехом. Гофман и Лот с молчаливым удивлением смотрят на него.

Кааль (*бормочет сквозь смех*). Так эт-то же, честное с-слово... Т-так эт-то же... эт-то же с-старик...

Елена (*в отчаянии и негодовании вскакивает, комкает салфетку и бросает ее на стол. Кричит*). Вы... вы... (*Плюет.*) Тьфу! (*Быстро уходит.*)

Кааль (*сообразив, что сделал глупость, решительно прерывает возникшее замешательство*). Ах, что там!.. Ч-чепуха! Глупо все это!.. Пойду-ка я своей дорогой. (*Надевает шляпу и, не оборачиваясь, уходит.*)
Д-добрый в-вечер!

Фрау Краузе (*кричит ему вслед*). Ну, смотри у меня, Вильгельм! (*Складывает салфетку и зовет.*)
Миля!

Входит Миля.

Фрау Краузе. Убирай со стола! *(Про себя, но довольно громко.)* Гусыня этакая!

Гофман *(несколько раздраженно)*. По совести говоря, мама!..

Фрау Краузе. Да пропади ты пропадом! *(Встает, быстро уходит.)*

Фрау Шпиллер. Милостивая государыня имели сегодня... м-м... некоторые неприятности по хозяйству... м-м... Почтительнейше кланяюсь. *(Встает, тихо шепчет молитву, возводя глаза к потолку, затем уходит.)*

Миля и Эдуард убирают со стола. Гофман встает, с зубочисткой во рту выходит на авансцену. Лот следует за ним.

Гофман. Вот видишь, какие бабы.

Лот. Я ничего не понял.

Гофман. Не стоит об этом и говорить... Такое, знаешь, случается и в лучших домах. Но это не должно мешать тебе погостить у нас денек-другой...

Лот. Я охотно познакомился бы с твоей женой. Почему она не появляется?

Гофман *(срезая кончик сигары)*. Понимаешь, в ее положении... Женщины всегда так самолюбивы. Пойдем пройдемся немножко по саду. Эдуард! Кофе подать в беседку!

Эдуард. Слушаюсь!

Гофман и Лот уходят через зимний сад. Эдуард выходит в среднюю дверь, за ним Миля с подносом, заставленным посудой. Комната остается пустой. Через несколько мгновений появляется

Елена.

Елена *(взволнованная, с заплаканными глазами, прижимает платок к губам. Войдя в среднюю дверь, делает несколько поспешных шагов влево и, остановившись у двери в комнату Гофмана, прислушивается)*. О! Только не уходи! *(Не услышав ничего, бежит к дверям зимнего сада и снова напряженно вслушивается. Стоит с молитвенно сложенными руками. Умоляющим тоном.)* О! Только не уходи! Только не уходи!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Утро, около четырех часов. Окна трактира освещены. Сквозь ворота виден бледно-серый утренний рассвет, постепенно на протяжении действия переходящий в темно-красный, а затем так же постепенно сменяющийся ярким дневным светом. На земле у ворот сидит Бейбст (ему около шестидесяти лет) и отбивает косу. При поднятии занавеса на сцене виден только его силуэт, который вырисовывается на фоне серого утреннего неба. Слышатся однообразные, непрерывные, размеренные удары молотка о наковальню. Через несколько минут этот шум прекращается и наступает торжественная утренняя тишина, нарушаемая криками покидающих трактир гостей. С грохотом захлопывается дверь трактира. В окнах гаснут огни. Вдали лают собаки, громко перекликаются петухи. На дорожке, ведущей от трактира к двору, появляется темная фигура, идущая петляющей походкой. Это хозяин Краузе, который, как всегда, последним уходит из трактира.

Краузе (*натывается на садовую изгородь, крепко цепляется в нее руками и, оглядываясь в сторону трактира, бормочет гнусавым, пропитым голосом*). А этот садик-то мой!.. И трактир мой!.. Слышишь, трактирщик!.. Так-то! (*Пробормотав и проворчав несколько непонятных слов, он отрывается от забора и вваливается во двор, где хватается за рукоятку плуга.*) Этот хутор мой! (*Бормочет, напевая.*) Пе-ей, братец, пей!.. Эй, братец... Водка того... храбрости придает... Так-то! (*Громко рычит.*) Чем я не красавец мужчина?.. Не у меня ли красавица баба? Так-то, так!.. Не у меня ли парочка дочерей красавиц?

Елена (*поспешно выходит из дома. Видно, что она накинула на себя первую попавшуюся одежду*). Папа... милый папа!.. Пойдем! (*Подхватывает его под руку, старается поддержать и ввести в дом.*) Пойдем же... Пойдем скорее домой. Ну пойдем же домой скорее! Ах!

Краузе (выпрямляется, пытается стоять прямо, с трудом, обеими руками извлекает из кармана штанов кожаный, туго набитый деньгами кошелек. При слабом утреннем свете видно, что это мужчина лет пятидесяти, потрепанная одежда которого ничуть не лучше одежды беднейшего батрака. Голова его непокрыта, седые, жидкие волосы взъерошены и непричесаны. Грязная рубаша широко распахнута, с помощью единственной застегнутой подтяжки держатся лоснящиеся от грязи кожаные штаны, перевязанные у щиколотки, босые ноги всунуты в вышитые ночные туфли, имеющие еще совсем новый вид. На нем нет ни жилета, ни куртки, рукава рубашки без запонок. Вытащив из кармана кошелек, он несколько раз постукивает им о ладонь левой руки, при этом деньги звенят и старик бросает чувственные взгляды на дочь). Так-то! Эти деньги мои! Та-ак! Хочешь пару талеров?

Елена. Ах, боже мой! (Несколько раз тщетно пытается сдвинуть его с места.)

Во время одной из таких попыток Краузе с грубостью гориллы заключает ее в объятия и делает несколько непристойных движений.

(Зовет на помощь.) Отпусти сейчас же! Пусти! Пусти меня! Пусти, отец! Ах! (Плачет, кричит, затем восклицает с чувством ужаса, отвращения и ярости.) Скотина, свинья! (Отталкивает его.)

Краузе падает. Бейбст, ковыляя, подходит к ним и помогает Елене поднять его.

Краузе (лепечет). П-п-пейте, братцы, п-п-ей...

Его поднимают, он вваливается в дом, увлекая за собой Бейбста и Елену. Некоторое время сцена пуста. Из дома слышатся шум, хлопанье дверьми. В одном из окон появляется свет. Затем Бейбст выходит из дома. Он чиркает серную спичку о кожаные штаны, чтобы зажечь короткую трубочку, которую почти не выпускает изо рта. Тем временем из двери дома крадучись выходит Кааль. Он в чулках; в левой руке, через которую переброшена куртка, он несет ночные туфли, в правой держит шляпу, в зубах воротничок от рубашки. Добравшись до середины двора, Кааль оборачивается и замечает Бейбста. После короткой паузы он берет шляпу и воротничок в левую руку, достает правой рукой что-то из кармана штанов, подходит к Бейбсту и сует ему в руку.

Ка аль. Вот тебе талер... И — держать язык за зубами! (*Быстро проходит двор и уходит, перепрыгнув через штакетную изгородь вправо.*)

Бейбст с помощью другой спички раскуривает трубку, затем ковыляет к воротам, садится на землю и снова берется за отбивку. Опять некоторое время раздаются монотонные звуки молотка и кряхтенье старика, изредка прерываемое односложной бранью в тех случаях, когда у него что-то не ладится. Заметно светлеет.

Лот (*выходит из дверей дома, стоит молча, потягивается, делает несколько глубоких вдохов*). А!.. А!.. Воздух утренний! (*Медленно идет по направлению к воротам. Бейбсту.*) Доброе утро! Так рано, и уже на ногах?

Бейбст (*недоверчиво косясь, недружелюбным тоном*). Доброе! (*Небольшая пауза. Затем, как бы не замечая Лота, обращается к своей косе, которую несколько раз сердито взмахивает.*) Ах ты, стерва кривая! Будешь ты ровной? Эх, разрази тебя гром! (*Отбивает косу.*)

Лот (*уселся между рукоятками культиватора*). А что — нынче сенокос?

Бейбст (*грубо*). Кому сенокос, а кому и нет.

Лот. Однако вы отбиваете косу?..

Бейбст (*к косе*). Эх ты, дура!

Небольшая пауза.

Лот. Можете вы мне объяснить, зачем вы точите косу, если не для сенокоса?

Бейбст. Ну... А как же без косы, если скотину кормить надо?

Лот. Ах, так! Корму надо накосить?

Бейбст. Как же иначе?

Лот. Его каждое утро косят?

Бейбст. А как же!.. Не голодать же скоту-то.

Лот. Будьте ко мне понисходительнее! Я ведь городской и мало смыслю в сельском хозяйстве.

Бейбст. Городской!.. Вон как!.. Разве городские не лучше деревенских все знают? А?

Лот. Ко мне это не подходит... Не можете ли вы мне объяснить, что это за машина? Я уже как-то ее видел, но названия...

Бейбст. Вон та, на которой вы сидите?! Ее зовут культабатором.

Лот. Да, верно, культиватор! И им здесь пользуются?

Бейбст. Нет, что вы!.. Хозяин... все губит. Все он губит... Бедняк тоже хочет иметь свой клочок земли, да у нас хлеб не растет... Ничего не растет, кроме сорной травы... А он не помогает, он все губит!..

Лот. А этой машиной всю сорную траву уничтожить можно. Знаю, знаю, у икарийцев тоже были такие культиваторы для полной очистки пахотной земли от сорняков.

Бейбст. А где эти ика... Как вы сказали? Ика...

Лот. Икарийцы? В Америке.

Бейбст. И там тоже есть такие штуки?

Лот. Конечно!

Бейбст. А что за народ эти и... ика?..

Лот. Икарийцы?.. Никакой они не народ, а люди разных наций, собравшиеся вместе. Они владеют хорошим куском земли в Америке и сообща хозяйничают на нем. Всю работу и все заработки они делят поровну. И бедных среди них нет, ни одного бедняка.

Бейбст *(лицо которого приняло было несколько более дружелюбное выражение, снова принимает при последних словах Лота недоверчиво враждебный вид. Не обращая внимания на Лота, он опять погружается в свою работу)*. Вот так, коса!

Лот, продолжая сидеть, со спокойной улыбкой наблюдает за стариком, затем смотрит за ворота на пробуждение дня. За воротами виднеются луга и просторные клеверные поля. Вьется ручей, окруженный ивами и ольхами. На горизонте — единственная горная вершина. Отовсюду слышатся голоса жаворонков — их трели то доносятся издали, то звенят совсем близко, у самого двора.

Лот *(поднимается)*. Надо прогуляться, утро чудесное! *(Выходит за ворота.)*

Слышится звук деревянных башмаков. Кто-то быстро спускается по лестнице с чердака конюшни. Это Густа — работница довольно полного телосложения, в корсетке, с обнаженными руками и ногами, в деревянных башмаках.

Густа (несет фонарь). Доброе утро, папаша Бейбст!

Бейбст бормочет что-то невнятное.

(Смотрит, прикрывая глаза рукой от солнца, за ворота на уходящего Лота.) Это еще кто такой?

Бейбст (сердито). А вот такой — не прочь надуть бедного человека... Наврет с три короба... (Встает.) Приготовь-ка телегу, девка.

Густа (кончила мыть ноги у колодца, уходя в коровник). Счас, счас, папаша Бейбст.

Лот (возвращается, дает Бейбсту деньги). Вот тебе мелочь. Деньги всегда могут пригодиться.

Бейбст (растаяв, словно по чудесному мановению, добродушным тоном). Да-да! Вы совершенно правы... Премного благодарен... Вы, верно, у хозяйского зятя в гостях? (Вдруг становясь разговорчивым.) Знаете что... Если вам охота пойти туда к шахтам... То, знаете, держитесь левее, да... левее, а направо там обвал. Мой сын говорит, — это потому, что они плохо сделали крепления, он говорит, что углекопы... Им, говорит он, мало платили, и вот они и говорят: что ни умей, что ни моги, все одна могила, — вы понимаете... Так смотрите там все левей берите, левей, направо-то ямы. В прошлом году там торговка маслом шла и провалилась под землю, а как глубоко — я и сам не знаю. Никто не знает, как глубоко. Так смотрите, все левей держитесь, все левей, тогда пройдете.

Раздается выстрел. Бейбст вздрагивает и, хромая, делает несколько шагов.

Лот. Кто это стреляет в такую рань?

Бейбст. Кто же еще?.. Все этот парень, этот злой парень.

Лот. Какой парень?

Бейбст. Да Кааль, Вильгельм, сукин сын... Ну, погоди ж ты у меня! Я видел, как он стрелял в жаворонков за изгородью.

Лот. Вы хромаете?

Бейбст. Еще как, не приведи господь... (Грозит кулаком в сторону поля.) Ну, погоди ты! Погоди!..

Лот. Что такое вы сделали с ногой?

Бейбст. Я?

Лот. Да, вы.

Бейбст. Это мне сделали.

Лот. Вам больно?

Бейбст (*хватаясь за ногу*). Прямо точно на части рвет.

Лот. А врача у вас нет?

Бейбст. Знаете... эти врачи все как обезьяны, ничего не смыслят! Есть у нас один доктор; вот он толковый человек.

Лот. И он помог вам?

Бейбст. Ну... Немножечко, наверно, помог. Он перевязал мне ногу, сначала мазал ее, а потом перевязал... но не вылечил, еще не вылечил!.. А он... да, он бедных людей жалеет... Он им лекарства покупает и не берет с них ничего. И приходит в любое время...

Лот. Но вы, верно, ее где-то повредили?! Не всегда же вы так хромали?

Бейбст. Нет, что вы!

Лот. Тогда я не понимаю, должна же быть причина...

Бейбст. Почему я знаю? (*Снова грозит кулаком.*) Ну, погоди же! Погоди со своей трескотней.

Кааль (*появляется в своем саду. В правой руке ружье, пальцы левой руки сжаты в кулак. Кричит.*) Доброго утречка, господин доктор!

Лот идет к нему через двор. Между тем Густа и другая работница — Лиза выкатывают тачки с граблями и навозными вилами. Они уходят в поле через ворота мимо Бейбста, который кидает гневные взгляды в сторону Кааля и делает исподтишка несколько угрожающих жестов, затем вскидывает косу на плечо и, прихрамывая, идет за ними. Бейбст и работницы уходят.

Лот (*Каалю*). Доброе утро!

Кааль. Хотите взглянуть на что-то х-хорошенькое? (*Протягивает кулак через забор.*)

Лот (*подходя ближе*). Что это у вас?

Кааль. Отгадайте-ка! (*Быстро разжимает кулак.*)

Лот. Что-о-о?.. Так это правда: вы стреляете жаворонков! Да за это безобразие, бездельник вы этакий, вы заслуживаете оплеухи. Понятно вам?! (*Поворачи-*

вається к нему спиной и идет через двор вслед за Бейб-стом и работницами. Уходит.)

К а а л ь (с изумленно-глупым видом смотрит на уходящего Лота, грозит ему кулаком). Ах, с-стерва доктор! (Поворачивается и уходит вправо.)

В течение нескольких мгновений на дворе пусто. Затем из дверей дома выходит Е л е н а. На ней светлое летнее платье и шляпа с широкими полями. Оглядывается вокруг, делает несколько шагов по направлению к воротам, останавливается и выглядывает за ворота. Затем бредет через двор направо и сворачивает на дорогу, ведущую к трактиру. На заборе сушатся большие пачки различных сортов чая; проходя мимо, она нюхает их. Потом она нагибает ветки плодовых деревьев и рассматривает низко свисающие зрелые яблоки. При виде идущего от трактира к воротам Лота она обнаруживает признаки возрастающего волнения и отступает в глубь двора. Заметив, что голубятня еще закрыта, она идет к ней через маленькую ведущую в сад калитку. В момент, когда Лот заговаривает с ней, она пытается оттянуть книзу веревку, болтающуюся по ветру и зацепившуюся за что-то.

Л о т. Доброе утро, фрейлейн!

Е л е н а. Доброе утро!.. Вот куда ветер веревку закинул.

Л о т. Разрешите! (Проходит в калитку, снимает веревку и открывает голубятню. Голуби вылетают.)

Е л е н а. Большое спасибо!

Л о т (выходит из калитки и останавливается у забора, опираясь на него. Елена стоит по другую сторону забора. После короткой паузы). Вы всегда так рано встаете, фрейлейн?

Е л е н а. Именно о том же... я хотела спросить вас!

Л о т. Я?.. Нет! Обычно это случается со мной после первой ночи в чужом доме.

Е л е н а. Почему?

Л о т. Я не задумывался над этим, да и не к чему задумываться.

Е л е н а. Ах, почему же?

Л о т. Не вижу в этом никакой практической цели.

Е л е н а. Значит, все, о чем вы думаете, или все, что вы делаете, должно иметь практическую цель?

Л о т. Совершенно верно. Иначе...

Е л е н а. Вот этого я от вас не ожидала.

Л о т. Чего именно, фрейлейн?

Елена. Именно так думала мачеха, когда третьего дня вырвала у меня из рук «Вертера».

Лот. Это глупая книга.

Елена. Не говорите так!

Лот. Повторяю, фрейлейн. Это книга для слабых людей.

Елена. Возможно, что так.

Лот. Как попала к вам эта книга? Разве вам все в ней понятно?

Елена. Надеюсь, что да... Частично, конечно. Ее чтение так успокаивает. *(После паузы.)* Если «Вертер» такая глупая книга, как вы говорите, то, может быть, вы посоветуете мне что-нибудь лучшее?

Лот. Ну... почитайте... Знаете ли вы «Борьбу за Рим» Дана?

Елена. Нет! Но теперь я куплю эту книгу. Она служит практической цели?

Лот. Разумной цели вообще. В ней люди нарисованы не такими, каковы они есть, а такими, какими они должны быть. Она показывает пример.

Елена *(убежденно)*. Это прекрасно. *(После паузы.)* Не скажете ли вы мне... В газетах так много рассуждают об Ибсене и Золя. Что, это великие художники?

Лот. Они вообще не художники, фрейлейн, они неизбежное зло. Я человек жаждущий и жду от искусства поэзии — чистого, освежающего напитка... Я не больной. А то, что предлагают Ибсен и Золя, — это лекарства.

Елена *(непосредственно)*. Ах, тогда это, может быть, нечто для меня.

Лот *(до сих пор отчасти, а теперь целиком погруженный в созерцание покрытого росой сада)*. Какое великолепие! Взгляните, как поднимается солнце над вершиной горы... Как много яблок в вашем саду! Отличный урожай!

Елена. Добрых три четверти разворуют и в этом году. Слишком велика здесь бедность.

Лот. Вы не поверите, как сильно я люблю деревню! К сожалению, мой хлеб растет по большей части в городе. Но теперь я хочу насладиться деревенской жизнью. Нашему брату солнце и воздух нужны больше, чем кому бы то ни было.

Елена (*вздыхая*). Нужны больше, чем... Почему?

Лот. Потому что мы ведем суровую борьбу, до конца которой не можем дожить.

Елена. А разве мы, прочие, не ведем такой же борьбы?

Лот. Нет.

Елена. Но все же... в борьбе... участвуем и мы?!

Лот. Конечно! Но эта борьба ваша — имеет конец.

Елена. Имеет конец... Да, вы правы!.. А почему же нельзя прекратить и ту... вашу борьбу, господин Лот?

Лот. Ваша борьба — борьба за личное благополучие. Его может достигнуть всякий, поскольку это в человеческих возможностях. А моя борьба — борьба за всеобщее счастье. Для того чтобы я стал счастливым, все люди вокруг меня должны стать счастливыми. Для этого должны исчезнуть нищета и болезни, рабство и подлость. Я, так сказать, могу сесть за стол только последним.

Елена (*убежденно*). В таком случае вы очень, очень хороший человек!

Лот (*немного смущен*). В этом нет моей заслуги, фрейлейн; просто я так уж создан. Впрочем, должен признаться, что борьба на благо прогресса доставляет мне большое удовлетворение. Этот вид счастья я ценю гораздо выше того, которым довольствуется рядовой эгоист.

Елена. Но таких людей, наверно, очень мало... Какое, должно быть, счастье родиться таким!

Лот. Такими не рождаются. Думаю, что к этому приходят благодаря нелепости наших общественных отношений. Нужно только постигнуть сущность этих нелепостей, понять, в чем дело! А если ты познал их и понял, что страдаешь от них, то непременно станешь таким же, как я.

Елена. Если б я вас лучше понимала... Какие же общественные отношения вы называете нелепыми?

Лот. А разве, например, не нелепо, что трудящийся работает в поте лица своего и голодает, а тунеядец живет в роскоши?.. И разве не нелепо, что за убийство

в мирное время карают, а за убийство на войне награждают? Ведь это нелепо, когда военные выказывают презрение палачу, а сами гордо разгуливают, волоча на боку орудие человекоубийства — шпагу или саблю. Палача, который проделал бы то же с топором, без всяких колебаний побили бы камнями. Нелепо признавать государственной религией Христову веру, эту проповедь терпения, всепрощения и любви, и при этом воспитывать целые народы для человекоубийства. И это, заметьте, только некоторые нелепости среди миллионов других. Нелегко бороться со всеми этими нелепостями. Чем раньше начнешь, тем лучше.

Елена. И как только вы дошли до этого? Все это так просто, а додуматься нелегко.

Лот. Я, вероятно, пришел своим путем: через беседы с друзьями, через собственные раздумья. До первой нелепости я дошел еще мальчиком. Однажды я здорово наврал и был за это сильно выпорот отцом. Вскоре я поехал с отцом по железной дороге и заметил, что отец мой тоже лжет и считает свою ложь чем-то вполне естественным. Мне было пять лет, а отец сказал кондуктору, что мне нет и четырех, потому что дети до четырехлетнего возраста пользовались бесплатным проездом. Учитель в школе говорил мне: «Будь прилежным, будь честным, и все пойдет в жизни хорошо». Человек этот внушал нам нелепости, и я очень скоро в этом убедился. Мой отец был человеком прилежным, честным, отличным работягой, но один мошенник, который до сих пор еще жив и благоденствует, обманом отнял у него несколько тысяч талеров. Именно к этому мошеннику, владельцу мыловаренного завода, мой отец, гонимый нуждой, был вынужден поступить на службу.

Елена. А у нас никто не осмеливается... Да, никто не осмеливается назвать это нелепостью. Самое большее возмущаются этим молча, в глубине души. Но тогда тебя охватывает отчаяние.

Лот. Я вспоминаю одну нелепость, которая особенно ясно бросилась мне в глаза. До того я верил, что убийство всегда наказывается как преступление. Позднее мне стало ясно, что законом караются только, так сказать, более мягкие формы убийства.

Елена. Как так?

Лот. Мой отец был мыловаром, жили мы возле са-мого завода. Окна наши выходили на заводской двор. Там-то я и увидел многое. Был там рабочий, пять лет прослуживший на заводе. Он начал вдруг сильно худеть и кашлять... Я знал, отец рассказывал нам за столом, что Бурмейстер — так звали рабочего — получит скоро-течную чахотку, если еще останется на мыловарне. Так сказал ему доктор... Но у этого человека было восемь душ детей, а из-за своей болезни он не мог найти себе другой работы. Итак, он был вынужден оставаться в мыловарне, и принципал считал себя благодетелем за то, что не выгонял его. Он, безусловно, являлся в соб-ственных глазах гуманным человеком. Однажды в ав-густе, в послеобеденное время, когда стояла страшная жара, я увидел, как Бурмейстер мучился с тачкой, пол-ной извести, которую он вез через заводской двор... Я как раз смотрел в окно и вдруг заметил, как он оста-новился раз... потом еще раз и наконец плашмя упал на камни... Я побежал туда... Пришел мой отец, при-шли другие рабочие, но он уже только хрипел, и рот его был полон крови. Я помог внести его в дом. Он представлял собой груды вонючих лохмотьев, пропи-танных запахом извести и всевозможных химикалий. Раньше чем мы донесли его до дому, он умер.

Елена. Ах, как это ужасно!

Лот. Через неделю мы вытащили его жену из реки, в которую стекал с нашего завода отработанный шло-к. Да, фрейлейн, когда все это знаешь, как знаю я, тог-да... поверьте... уже не находишь покоя. Простой кусо-чек мыла, который ни у кого не вызывает никаких мыс-лей, и чисто вымытые холеные руки способны вызвать у меня самое горькое настроение.

Елена. Я тоже видела однажды нечто подобное. Ах! Это было ужасно, ужасно!

Лот. Что именно?

Елена. Сына одного из рабочих принесли сюда полумертвым. Это было... года три тому назад.

Лот. Это был несчастный случай?

Елена. Да, в медвежьей штольне.

Лот. Значит, углекоп?

Елена. Да, здесь большинство молодых людей работают в шахтах... Второй сын этого рабочего был тоже откатчиком, и с ним тоже случилось несчастье.

Лот. Оба насмерть?

Елена. Да, оба... В первый раз на руднике что-то оборвалось в подъемнике, в другой раз просочился газ... У старого Бейбста есть еще третий сын, он с пасхи тоже начинает работать.

Лот. Не может быть! И старик не возражает?

Елена. Нет, нисколько! Он только стал теперь еще угрюмее, чем прежде. Разве вы его не видели?

Лот. Я? Когда же?

Елена. Сегодня утром он сидел вот тут в воротах.

Лот. Ах, он работает здесь на дворе?

Елена. Да, много лет.

Лот. Он хромает?

Елена. Да, и довольно сильно.

Лот. Так-так!.. А что же случилось с его ногой?

Елена. Это очень неприятная история. Вы ведь знаете господина Кааля?.. Но я подойду к вам поближе. Его отец был, видите ли, таким же безумным охотником. Он стрелял холостыми за спиной приходивших в усадьбу подмастерьев, чтобы задать им страху. Он был очень вспыльчивым, особенно, когда напивался. А Бейбст, наверно, как-нибудь разворчался — он, знаете ли, очень любит поворчать; тогда хозяин схватил ружье и всадил в него весь заряд. Бейбст, видите ли, раньше служил кучером у соседа Кааля.

Лот. Куда ни глянь, везде злодеяния за злодеяниями.

Елена (*почти бессвязно, волнуясь*). Я тоже иногда про себя думала... Мне было их ужасно жалко!.. Старого Бейбста и... Когда крестьяне так глупы и грубы, как этот... как Штрекман, который заставляет своих работников голодать и кормит своих собак пирожными... Я чувствую себя такой глупой с тех пор, как вернулась из пансиона... Ах, в каждой избушке свои игрушки... И у меня тоже... Но я, верно, говорю глупости... Вам это совсем не интересно... Вы в глубине души смеетесь надо мной.

Лот. Что вы, фрейлейн, как вы можете... С чего мне над вами...

Елена. Ну как же иначе? Вы ведь думаете: она ничуть не лучше других здешних.

Лот. Я ни о ком не думаю дурно, фрейлейн!

Елена. Я все равно не поверю... Нет-нет!

Лот. Но, фрейлейн, неужели я дал вам повод...

Елена (*почти плача*). Ах, не уговаривайте! Вы нас презираете, признайтесь же в этом... Вы ведь должны нас презирать (*чужим голосом*)... и зятя и меня. Меня в первую очередь. У вас для этого имеются все... все основания. (*Поворачивается к Лоту спиной и, спотыкаясь, идет через сад в глубину сцены.*)

Лот выходит в калитку и медленно следует за Еленой.

Фрау Краузе (*в вычурном утреннем туалете, с багровым лицом, кричит, стоя в дверях дома*). Горе с этими девками! Мария! М-а-а-а-рия! И это под моей крышей? Вон отсюда всех этих девок. (*Бежит через двор и исчезает в дверях хлева.*)

Из дома выходит фрау Шпиллер с вязаньем в руках. Из клетки слышны ругательства и плач.

(*Кричит из хлева, выгоняя во двор плачущую работницу.*) Ах ты, потаскуха!

Работница плачет еще сильнее.

Вон отсюда! Собирай свои пожитки и убирайся!

В ворота входит Елена с покрасневшими глазами, замечает разгравшуюся сцену и останавливается.

Работница (*завидев фрау Шпиллер, бросает скамеечку и подойник и в ярости идет на нее*). Так это вам я этим обязана? Я вам еще отплачу!! (*Убегает, всхлипывая, наверх по чердачной лестнице.*)

Елена (*подходит к фрау Краузе*). Что она сделала?

Фрау Краузе (*грубо*). Не твое дело, гусыня!

Елена (*взволнованно, почти плача*). Нет, это и мое дело!

Фрау Шпиллер (*быстро подходит*). Милая фрейлейн, нельзя, чтоб такое касалось ушей молодой девушки...

Фрау Краузе. Почему бы и нет, фрау Шпиллер? Что она, из марципана, что ли? Эта девка лежала в постели с конюхом. Ну, теперь знаешь?

Елена (*повелительным тоном*). Но девушка все-таки останется у нас.

Фрау Краузе. Девка!

Елена. Хорошо! Тогда я расскажу отцу, что ты также проводишь ночи с Вильгельмом Каалем.

Фрау Краузе (*дает ей пощечину*). Вот тебе на память!

Елена (*смертельно бледная, но говорит еще твердо*). Девушка останется у нас, или... или я всем расскажу! Ты! С Каалем, Вильгельмом! Твоим племянником... моим женихом... Я всем расскажу.

Фрау Краузе (*теряя самообладание*). А кто это видел?

Елена. Я! Сегодня утром я видела, как он выходил из твоей спальни... (*Быстро уходит в дом.*)

Фрау Краузе шатается, она близка к обмороку.

Фрау Шпиллер (*бежит к ней с флакончиком*). Милостивая государыня! Милостивая государыня!

Фрау Краузе. Шпиллерша... Девка... пускай... остается.

Занавес быстро падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Прошло несколько минут после столкновения между Еленой и мачехой во дворе. Обстановка та же, что в первом действии.

За столом, стоящим на переднем плане слева, расположился доктор Шиммельпфенниг и выписывает рецепт. Его широкополая шляпа, нитяные перчатки и палка лежат на столе. Доктор небольшого роста, коренастый, с густой черной шевелюрой и густыми усами. Черный сюртук скроен на охотничий манер. Он одет как солидный человек, без всякой претензии на элегантность. У него привычка почти непрерывно поглаживать или тереть усы — эти движения становятся все резче, чем более он волнуется. В разговоре с Гофманом лицо его выражает наигранное спокойствие, и только в уголках рта ложится саркастическая складка. Жесты у него энергичные, резкие и угловатые, но всегда естественные. По комнате в халате и ночных туфлях расхаживает Гофман. На столе, расположенном в глубине справа, накрыт завтрак: изящная фарфоровая посуда, печенье, графин с ромом и т. д.

Гофман. Итак, господин доктор, вы считаете, что моя жена выглядит хорошо? Вы ею довольны?

Доктор Шиммельпфенниг. Да, она выглядит хорошо.

Гофман. Вы считаете, что все обойдется благополучно?

Доктор Шиммельпфенниг. Надеюсь.

Гофман (*после паузы, нерешительно*). Вот уже несколько недель, доктор... уже несколько недель, с тех пор как я сюда приехал,— я все собираюсь спросить у вас совета по поводу одного важного дела.

Доктор Шиммельпфенниг (*он отвечал до сих пор, не отрываясь от своего рецепта. Теперь кладет перо, встает, вручает рецепт Гофману*). Так!.. Велите заказать поскорее... (*Берет шляпу, перчатки и палку.*)

Ваша жена жалуется на головные боли. (*Посматривая на шляпу; деловитым тоном.*) Да, чтобы не забыть: попробуйте втолковать вашей жене, что, как-никак, она отвечает за судьбу живого существа. Я уже говорил ей о последствиях шнуровки.

Гофман. Конечно, господин доктор... Разумеется, я сделаю все от меня зависящее, чтобы...

Доктор Шиммельпфенниг (*неуклюже кланяется*). Честь имею!.. (*Идет, останавливается.*) Да, впрочем... Вы ведь хотели получить от меня совет. (*Бросает на Гофмана холодный взгляд.*)

Гофман. Да, если бы у вас нашлась еще минута... (*Не без жеманства.*) Вы помните ужасную смерть моего первенца. Вы были ее ближайшим свидетелем. Вы, конечно, не забыли, до какого состояния я тогда дошел... Но время... хотя этому и не принято верить... время все-таки лечит наши чувства. Наконец-то я вознагражден... И вот мое горячее желание, видимо, скоро исполнится. Вы понимаете меня,—я должен сделать все. Я провел много бессонных ночей, ломая голову над тем, что же все-таки сделать, чтобы избавить это еще не рожденное существо от чудовищной участи его брата. Вот о чем мне хотелось с вами...

Доктор Шиммельпфенниг (*сухо и деловито*). Надо разлучить новорожденного с матерью. Это главная предпосылка нормального развития.

Гофман. Значит, все-таки?.. Вы считаете, что надо его совсем отделить?.. Так, чтобы он не был с ней в одном доме?..

Доктор Шиммельпфенниг. Да, если вы серьезно озабочены жизнью ребенка, то только так. Ваше состояние позволяет вам полную свободу действий.

Гофман. Слава богу! Я уже приобрел для них виллу с отличным парком неподалеку от Гиршберга. Но мне хотелось бы и жену...

Доктор Шиммельпфенниг (*теребит усы, уставившись в пол. После недолгого раздумья*). А жене вы купите виллу где-нибудь в другом месте...

Гофман молча пожимает плечами.

Доктор Шиммельпфенниг. *(Так же.)* Не можете ли вы поручить воспитание ребенка вашей свояченице?

Гофман. Если бы вы только знали, доктор, какие сразу возникнут препятствия... К тому же неопытное, юное существо... Мать все-таки мать.

Доктор Шиммельпфенниг. Я вам изложил свое мнение. Разрешите откланяться.

Гофман *(хлопотливо суетится, провожая доктора)*. Честь имею кланяться! Несказанно вам благодарен...

Оба выходят в среднюю дверь. Входит Елена. Она в крайнем волнении, всхлипывает, зажимая рот платком, и падает на кушетку, стоящую на первом плане слева.

(Появляется снова с пачкой газет в руках.) Что тут такое?.. Что с тобой? Ну скажи мне, пожалуйста, долго ли это будет продолжаться?.. С тех пор как я здесь, не прошло еще ни одного дня, чтобы ты не плакала.

Елена. Ах!.. Где тебе понять?.. Если бы ты только мог понять, ты удивился бы тому, что бывает еще время, когда я не плачу.

Гофман. Знаешь, свояченица, мне что-то ничего не ясно.

Елена. Мне тем более.

Гофман. Опять, верно, что-то случилось?

Елена *(вскакивает, топает ногой)*. Мерзость! Мерзость! Я не могу больше терпеть... Хватит! Я больше не позволю! Я не понимаю, почему... я... *(Ее душат рыдания.)*

Гофман. Скажи мне хотя бы, в чем дело...

Елена *(снова раздражается слезами)*. Мне уже все равно! Хуже не бывает. Иметь отцом пьянчужку, животное, от которого не защищена даже я, его собственная дочь. Иметь мачехой развратницу, сводницу, посредничающую между своим любовником и мной... Вся эта мерзкая жизнь... Нет!.. Я не хочу, чтобы меня превратили в какую-то дрянь. Я лучше уйду! Я убегу отсюда... А если вы меня не пустите, тогда... тогда — веревка, нож, револьвер... Да, мне уже все равно!.. Я не стану утешаться водкой, как моя сестра.

Гофман *(испуганно хватает ее за руку)*. Ленхен!.. Прошу тебя, молчи!.. Молчи об этом!

Елена. Все равно!.. Мне совершенно все равно!.. Мне здесь все... Мне стыдно до глубины души... Хочется что-то знать, чем-то быть, чем-то стать... А вместо этого что?

Гофман (*не выпуская руки Елены, постепенно отесняет ее к дивану. В его голосе появляются мягкие, вибрирующие интонации наигранной нежности*). Ну Ленхен... Я хорошо понимаю, как много тебе придется здесь выносить. Ну успокойся, пожалуйста!.. Можешь мне ничего не рассказывать. (*Гладит правой рукой ее плечо, заглядывает ей в глаза.*) Я не могу видеть, когда ты плачешь. Право же!.. Это причиняет мне боль. Не рисуй себе жизнь мрачнее, чем она есть в самом деле... И, кроме того... Разве ты забыла, что мы оба... что мы с тобой находимся, так сказать, в одинаковом положении?.. Я попал в эту мужицкую среду... Ну разве я к ней подхожу? Ведь так же мало, как и ты.

Елена (*все еще в слезах*). Знала бы... знала бы... моя милая мама, что такое будет... Знала бы она это, когда велела, чтобы меня воспитывали... воспитывали по-барски. Знала бы она... так уж лучше оставила бы меня дома, чтобы я по крайней мере... по крайней мере не видела ничего другого и... выросла бы я здесь... на этом болоте... Но так...

Гофман (*ласковым движением усаживает ее на диван и садится с ней рядом. Сквозь слова утешения у него все отчетливее проступает чувственность*). Ну Ленхен!.. Ну посмотри на меня, ну успокойся, ну утешься со мной... Я же не должен говорить тебе про твою сестру. (*Обнимает ее, говорит горячо, взволнованно.*) Ах, если бы она была такой, как ты!.. Ну, а такой, как теперь... Подумай сама, чем она может быть для меня... разве, Ленхен, можно еще найти такого человека, образованного человека... (*говорит все тише*), у которого жена была бы поражена таким страшным недугом?.. Об этом нельзя даже громко сказать: женщина и... водка... Ну посуди сама, разве я счастливее, чем ты? А мой Фриц,— вспомни о нем! Ну скажи сама! Разве мне легко жить, а?.. (*Страстно.*) Вот видишь: надо благодарить судьбу за то, что она нам помогла. За то, что она свела нас друг с другом... Мы, Ленхен, созданы

друг для друга! Мы, с нашими общими горестями, должны быть друзьями. Ну разве не так, Ленхен? *(Обнимает ее.)*

Елена сидит с выражением покорности, затихшая, в напряженном ожидании чего-то неизбежного.

(Ласково.) Ты должна принять мое предложение, ты должна уйти из этого дома, жить у нас... Ребеночку, который родится, нужна мать... Иди к нам, замени ему мать! *(Страстно, растроганным, сентиментальным тоном.)* Ведь иначе у него не будет матери. И потом... внеси хоть немного, ну хотя бы совсем-совсем немного света в мою жизнь. Сделай это! Сделай, Ленхен. *(Хочет положить голову на ее грудь.)*

Елена *(вскакивает, возмущенная. На ее лице выражаются чувства презрения, разочарования, отвращения, ненависти)*. Слушай, зять! Ты... ты... Теперь я вижу тебя насквозь. Раньше я только догадывалась. А теперь я знаю точно.

Гофман *(вне себя от изумления)*. Что такое?.. Елена... единственная... в самом деле...

Елена. Теперь я твердо знаю, что ты ни капельки не лучше... Куда там! Ты хуже, ты хуже их всех!

Гофман *(встает, с наигранной холодностью)*. Твое поведение, знаешь ли, весьма странно!

Елена *(подходит к нему вплотную)*. Ты стремишься только к одной цели. *(Ему на ухо, вполголоса.)* Но у тебя оружие совсем другое, чем у отца, у мачехи и у моего почтенного жениха... Совсем другое оружие. Рядом с тобой они все вместе взятые просто ягнята. Теперь, именно теперь мне все сразу стало совершенно ясно.

Гофман *(с притворным возмущением)*. Елена! Ты... ты с ума сошла, это же чистое безумие... *(Прерывает речь, ударяя себя по лбу.)* Боже мой, я, кажется, догадываюсь. Ну да, конечно! Ты сегодня... правда, сейчас еще очень рано, но я готов держать пари, что ты сегодня... утром уже беседовала с Альфредом Лотом.

Елена. А почему бы нам не беседовать? Это человек, перед которым мы должны были бы сгореть от стыда, если бы говорили правду.

Гофман. Значит, я угадал!.. Так-так!.. Конечно!.. Именно!.. Тогда и удивляться нечему. Так-так, нашел случай поиздеваться над своим благодетелем. Конечно, к этому надо было быть всегда готовым!

Елена. Это подло, зять,— просто подло.

Гофман. Я почти того же мнения.

Елена. Он не сказал о тебе ни слова, ни одного дурного слова.

Гофман (*не обращая внимания на ее слова*). При таких обстоятельствах я считаю своим прямым долгом... Да, Елена, долгом родственника... Я должен предупредить тебя, как неопытную девушку...

Елена. Неопытную девушку?.. Не прикидывайся!

Гофман (*с раздражением*). Я отвечаю за то, что Лот вошел в этот дом. Так знай же: он... он, мягко выражаясь... весьма опасный фантазер, этот господин Лот.

Елена. В том, что ты говоришь о господине Лоте, есть что-то нелепое... что-то смехотворно нелепое.

Гофман. Он фантазер, он мастер дурить головы не только женщинам, но и разумным людям.

Елена. Вот видишь: еще одна нелепость! У меня в голове после нескольких слов господина Лота наступила такая ясность...

Гофман (*назидательным тоном*). В том, что я тебе говорю, нет ничего нелепого.

Елена. Чтобы понять, что такое нелепость, надо обладать ясностью мысли, а у тебя ее нет.

Гофман (*в том же тоне*). Не об этом идет речь. Повторяю, это не нелепость, а сущая правда... Я испытал его влияние на собственной шкуре: он затуманивает тебе мозги, и ты начинаешь мечтать о братстве народов, о свободе и равенстве и забываешь о всех бытовых и нравственных принципах... Честное слово, мы были тогда готовы ради этих химер перешагнуть через трупы собственных родителей, лишь бы прийти к цели. А он, скажу я тебе, способен и сегодня так поступить.

Елена. А сколько родителей из года в год шагают через трупы своих детей, и никто...

Гофман (*прерывая ее*). Вздор! Это кощунство!.. Говорю тебе, остерегайся его, во всех отношениях...

Говорю тебе совершенно категорически... Что до моральных устоев, то у него нет даже намека на них.

Елена. Ну вот это опять нелепо. Поверь мне, зять, стоит только задуматься... И все сразу станет так интересно...

Гофман. Можешь говорить, что тебе угодно. Я предупредил тебя. И еще хочу сказать совершенно доверительно, что из-за него я был тогда на волоске от неприятной истории.

Елена. Если он опасный человек, то почему ты вчера так искренне радовался, когда...

Гофман. Ах, господи, но я знаком с ним с юных лет! К тому же, ты этого не знаешь, у меня были известные основания...

Елена. Основания? О чем ты это?

Гофман. Я знаю, о чем... Но если б он пришел не вчера, а сегодня и я бы знал о нем все то, что знаю теперь...

Елена. Что же ты знаешь? Я ведь уже сказала, что он ни слова не говорил о тебе.

Гофман. Да уж, положиись только на такого! Надолго я бы ни за что его не оставил, не приняв предварительно необходимых мер предосторожности. Лот был и остается человеком, самое общение с которым уже компрометирует. За ним следят власти.

Елена. Разве он совершил какое-нибудь преступление?

Гофман. Лучше не будем об этом говорить. Я могу тебя заверить: человек, который шляется по белу свету с такими взглядами, в наше время опаснее вора.

Елена. Хорошо, я запомню... Но только... Но только, зять, ты уж не спрашивай меня, какого я о тебе мнения после того, что ты сказал о господине Лоте... Слышишь?

Гофман (*с холодным цинизмом*). Неужели ты и впрямь полагаешь, что мне это так важно знать? (*Нажимает на кнопку звонка.*) Смотри, кажется, он идет сюда.

Входит Лот.

Ну как?.. Хорошо ли ты спал, старина?

Лот. Я спал хорошо, но мало. Скажи, пожалуйста: я видел, недавно кто-то вышел из дома, какой-то господин?

Гофман. Вероятно, ты видел врача, который был здесь... Я ведь тебе рассказывал... В нем такая причудливая смесь жестокости и сентиментальности.

Елена говорит с только что вошедшим Эдуардом. Он уходит, затем возвращается и подает чай и кофе.

Лот. Такая, как ты выразился, смесь была и у одного моего старого университетского друга... Я готов поклясться, что это он... Некто Шиммельпфенниг.

Гофман (*садится к накрытому столу*). Ну да! Совершенно верно! Шиммельпфенниг!

Лот. Как? Неужели?

Гофман. Его так зовут.

Лот. Кого? Здешнего врача?

Гофман. Ты же сам сказал. Да, здешнего врача.

Лот. Тогда... Но это действительно странно! Это безусловно он.

Гофман. Вот видишь, чистые души находят друг друга на море и на суше... Не обессудь, я примусь за еду. Мы как раз собирались позавтракать. Пожалуйста, садись к столу! Надеюсь, ты еще не успел где-нибудь позавтракать?

Лот. Нет.

Гофман. Тогда приступай. (*Сидя, придвигает к столу стул для Лота. Затем обращается к Эдуарду, который подносит чай и кофе.*) Э-э, разве... э-э... разве госпожа моя теща не выйдет к столу?

Эдуард. Барыня будет завтракать в своей комнате с фрау Шпиллер.

Гофман. Этого еще не...

Елена (*поправляя сервировку на столе*). Не обращай внимания. У них свои причины.

Гофман. Вот как... Лот! Чего тебе предложить?.. Яйцо? Чаю?

Лот. Не могу ли я попросить стакан молока?

Гофман. Конечно! С удовольствием!

Елена. Эдуард! Пусть Миля надоит парного...

Гофман (*чистит яйцо*). Молоко... брр!.. От одной мысли о нем меня бросает в дрожь. (*Берет соль и перец.*) Скажи мне, пожалуйста, Лот, что же, собственно, привело тебя в наши края? Я совсем забыл спросить тебя об этом.

Лот (*намазывает масло на булочку*). Хочу изучить здешние условия.

Гофман (*бросает на него быстрый взгляд*). Прости, я не понял... Какие условия?..

Лот. Точнее говоря, я намерен изучить положение здешних углекопов.

Гофман. Ах, но оно же, в общем, отличное.

Лот. Ты думаешь?.. Это было бы очень хорошо... Да, чтобы не позабыть: ты должен помочь мне. Ты можешь принести большую пользу народному хозяйству, если...

Гофман. Я? Да что ты? Каким образом?

Лот. Ведь многие здешние рудники принадлежат тебе?

Гофман. Да! И что же?

Лот. Значит, ты можешь легко раздобыть для меня разрешение на осмотр рудников. Я намерен не менее месяца ежедневно спускаться в шахты, чтобы познакомиться с производством.

Гофман (*живо*). Ты хочешь потом описать все, что увидишь там внизу?

Лот. Именно! Моя работа должна быть главным образом описательной.

Гофман. Мне очень жаль, но я не имею никакого отношения к этому делу... Ты хочешь писать только об углекопах, только о них?

Лот. Твой вопрос говорит о том, что ты плохо разбираешься в народном хозяйстве.

Гофман (*уязвленный репликой Лота*). Прошу прощения! Ты считаешь, что я неспособен... Но почему... не понимаю, почему нельзя спросить?.. Впрочем, ничего удивительного... Всего нельзя знать.

Лот. Не волнуйся, пожалуйста! Все очень просто: если я хочу изучить положение здешних горнорабочих, то не могу не коснуться всех условий, которые определяют это положение.

Гофман. В такого рода сочинениях порой ужасно преувеличивают.

Лот. Я не впаду в эту ошибку.

Гофман. Это будет весьма похвально. *(Он уже много раз бросал на Елену быстрые испытующие взгляды. Теперь снова взглянул на нее, следящую с наивным благоговением за словами Лота.)* Ах! Ужасно смешно, как такое внезапно приходит в голову? Как могут зародиться такие мысли?

Лот. Что тебе пришло в голову?

Гофман. Да относительно тебя... Я вдруг подумал о твоей невесте... Нет, право же, просто бестактно говорить о тайнах твоего сердца при такой юной особе.

Елена. Может быть, я лучше...

Лот. Прошу вас, фрейлейн!.. Оставайтесь здесь, пожалуйста... Я давно замечаю, куда он метит. Но в этом нет ничего опасного. *(Гофману.)* Ты имеешь в виду мою помолвку?

Гофман. Раз уж ты сам догадался,— да!.. Я в самом деле вспомнил о твоей помолвке с Анной Фабер.

Лот. Свадьба расстроилась сама собой... когда я попал в тюрьму.

Гофман. Некрасиво с ее стороны...

Лот. Но, во всяком случае, честно! В письме с отказом, которое она мне прислала, я увидел ее истинное лицо. Если б она показала его раньше, мы оба страдали бы меньше.

Гофман. И твое сердце никому не принадлежало с тех пор?

Лот. Нет! Никому!

Гофман. Ну уж конечно! Спасовал— дал зарок не жениться! Так же как поклялся не пить! Что? Так? А впрочем, *chacun á son goüt*¹.

Лот. Это не столько решение, сколько судьба. Помнится, я тебе говорил однажды, что в отношении женитьбы я не давал никаких клятв. Просто я боюсь, что не найдется женщины, которая мне подошла бы.

Гофман. Вышние фразы, мой милый Лот!

Лот. Нет, серьезно!.. Вероятно, с годами человек

¹ У каждого свой вкус. *(Франц.)*

настраивается критически и постепенно утрачивает здоровые инстинкты. Я считаю, что инстинкт — лучшая гарантия верного выбора.

Гофман (*развязным тоном*). Ну, он-то еще найдется. (*Смеется.*) Этот самый инстинкт.

Лот. В самом деле, что могу я предложить женщине? Я все больше и больше сомневаюсь в том, чтобы какой-нибудь женщине хватило той крохотной частицы моего «я», которая не посвящена моей жизненной задаче... Да и семейные заботы отпугивают...

Гофман. Что? Что?.. Семейные заботы? Постой, старина, а на что тебе даны голова и руки?

Лот. Даны, как видишь. Но я уже сказал тебе, что моя рабочая сила почти вся отдана делу и будет всегда принадлежать ему. Иначе говоря, она уже не моя. И вообще, мне пришлось бы встретиться с большими трудностями...

Гофман. Полегче! Полегче! Просто сплошной звон стоит.

Лот. Ты думаешь, это пустозвонство?

Гофман. Честно говоря, звучит как-то пустовато! Мы хоть и женатые люди, а тоже не бушмены. Почему это иные ведут себя так, точно им выданы особые права свершать добрые дела на свете.

Лот. Отнюдь нет! Меньше всего я думаю об этом... Ведь вот и ты: если б не отошел от своей жизненной задачи, то это отразилось бы на твоём материальном благополучии.

Гофман (*иронически*). Выходит, и ты склоняешься к требованиям жизни?

Лот. Требованиям? Каким?

Гофман. Я думаю, что собираясь жениться ты не забыл бы узнать о деньгах невесты.

Лот. Конечно.

Гофман. А затем пошел бы длинный список прочих требований.

Лот. Нашлись бы и прочие! Физическое и духовное здоровье невесты — это *conditio sine qua non*¹.

¹ Обязательное условие. (*Лат.*)

Гофман (*смеется*). Здорово! Но , тогда нельзя обойтись без медицинского освидетельствования невесты... Ловкий ты парень!

Лот (*по-прежнему серьезно*). Да, но не забывай, что и к себе я тоже предъявляю требования.

Гофман (*все веселее*). Знаю! Знаю!.. Помню, как ты специально изучал литературу о любви, чтобы точнейшим образом установить, является ли твое чувство к некой даме действительно любовью. Итак, повтори, пожалуйста, каковы твои требования?

Лот. Моя жена должна была бы, например, уметь отказывать себе.

Елена. Если... если... Ах, я лучше не буду говорить... Я только хотела сказать, что женщина вообще привыкла к самоотречению.

Лот. Господь с вами! Вы меня не поняли. Я вовсе не то разумею под отречением. Я считаю, что она должна сама, по доброй воле, с радостью отказаться от той части моего существа, которая принадлежит моей жизненной задаче. Да-да, только в этом смысле. В остальном же моя жена вправе требовать все то, что целыми тысячелетиями отнимали у женщин.

Гофман. Те-те-те!.. Равноправие женщин!.. Поистине этот поворот темы достоин восхищения... Теперь он в привычном русле. Фриц Лот, или агитатор из жилетного кармана!.. Как же ты будешь теперь формулировать свои требования? Точнее: насколько ты хочешь эмансипировать свою жену?.. Меня, право, забавляют твои речи... В чем проявилось бы ее равноправие: в курении сигар? в ношении брюк?

Лот. Ну, это меньше всего... Но... она должна была бы стать выше некоторых общественных предубеждений. Если она меня действительно любит, она должна была бы без боязни, открыто и сознательно присоединиться к моим взглядам.

Гофман (*бросив завтрак, вскакивает с места с выражением наигранного негодования*). Ну, знаешь! Это... это прямо-таки бесстыдное требование! С такими требованиями... если ты не откажешься... Поверь мне, ты будешь шататься бобылем до конца своих дней.

Елена (*с трудом сдерживает внутреннее волнение*).

Господа, прошу прощения... Мне надо идти... У меня, зять, хозяйственные дела... Мама заперлась у себя, а там...

Гофман. Мы тебя не задерживаем.

Елена кланяется и уходит.

(С коробкой спичек в руке направляется к ящику с сигарами, стоящему на буфете.) Да, уж поистине!.. От таких слов просто в жар бросает... Страшно становится. (Вынимает из ящика сигару и опускается на диван, расположенный впереди, слева. Он срезает кончик сигары и в продолжение своей речи держит сигару в левой руке, а кончик сигары между пальцами правой руки.) И при всем том.. все-таки забавно... А потом: ты даже не представляешь, как полезно провести несколько дней в деревне, вдали от дел. Если бы сегодня не этот проклятый... Который же час? Я должен успеть еще к обеду в город... Обед я должен дать во что бы то ни стало. Судьба делового человека!.. Знаешь, рука руку моет. Так уж принято у нас, в среде горных инженеров и чиновников... Ну, еще одну сигару можно выкурить со всеми удобствами. (Подходит к плевательнице, бросает в нее кончик сигары, возвращается на диван и закуривает.)

Лот (листает роскошно изданную книгу, лежащую на столе). «Приключения графа Зандора».

Гофман. Эту чепуху ты найдешь здесь во всех крестьянских домах.

Лот (продолжая листать книгу). Сколько лет твоей свояченице?

Гофман. В августе отпраздновали двадцать один.

Лот. Она из-за чего-то страдает?

Гофман. Не знаю... Думаю, что нет... Она производит такое впечатление?..

Лот. У нее скорее удрученный, чем больной вид.

Гофман. Ну да! Эта возня с мачехой...

Лот. Она, кажется, раздражительна?!

Гофман. В таких условиях... Хотел бы я видеть, кто в таких условиях не стал бы раздражительным...

Лот. Она, вероятно, очень энергична.

Гофман. Скорее упряма.

Лот. Она душевный человек, не правда ли?

Гофман. Иногда чересчур...

Лот. Если здесь у нее такие дурные условия, то почему она не живет в твоей семье?

Гофман. Спроси у нее — почему?.. Я ей много раз предлагал. У баб всегда свои причуды. (*Продолжая курить сигару, вынимает из кармана записную книжку и подсчитывает в ней какие-то суммы.*) Ты, надеюсь, не обидишься на меня, если я... если я должен буду тебя покинуть?

Лот. Разумеется, нет.

Гофман. Как долго ты собираешься?..

Лот. Я скоро найду себе квартиру. А где живет Шimmelъфенниг? Все-таки лучше пойти к нему. Он поможет в поисках жилья. Надо надеяться, я найду что-нибудь подходящее, иначе я переночую в ближайшей гостинице.

Гофман. Это почему? До утра ты можешь быть у нас. Правда, я сам гость в этом доме. Не то я бы, разумеется, предложил... Ты меня понимаешь?..

Лот. Абсолютно!..

Гофман. Но послушай... Неужели ты всерьез?..

Лот. Собираюсь ночевать в гостинице...

Гофман. Вздор!.. Я вовсе не о том. Я о том, про что ты говорил раньше. Вся история с этой твоей противной описательной работой?

Лот. Почему бы и нет?

Гофман. Признаюсь, я принял это за шутку. (*Приподнимается, говорит доверительным, полушутливым тоном.*) Как? Ты в самом деле способен подрывать здесь основы... Именно здесь, где один из твоих друзей обрел свое счастье и твердо встал на обе ноги?

Лот. Честное слово, Гофман! Я не имел никакого представления о том, что ты тут находишься. Если бы я знал...

Гофман (*вскакивает с места, радостно возбужденный*). Отлично! Очень хорошо! Если так... Видишь, я искренне рад, что не ошибся в тебе. Ну вот, теперь ты знаешь, что я здесь, и теперь ты, разумеется, получишь от меня возмещение всех дорожных расходов и все такое прочее... Да-да — и, пожалуйста, не рисуйся!

Это ведь только долг дружбы, не более!.. Узнаю моего старого доброго Лота!.. Подумай только: ведь я в самом деле держал тебя на подозрении... Но теперь я должен откровенно признаться, что я вовсе не такой плохой, каким иногда прикидываюсь. Я всегда ценил тебя — тебя и твои честные, постоянные стремления. Я готов понять все эти, к сожалению, вполне обоснованные требования угнетенных масс... Да, ты можешь себе посмеиваться, но я иду так далеко, что готов признать единственной в рейхстаге партией и идеалами ту самую партию, к которой принадлежишь ты! Но только — медленно! Медленно!.. И ничего не свергать. Все само придет, все само наступит в свое время. Только терпение! Терпение!

Лот. Терпение, конечно, необходимо. Но это не дает нам права сидеть сложа руки.

Гофман. Именно таково и мое мнение!.. Я вообще гораздо чаще соглашался с тобой в мыслях, чем на словах. Это, сознаюсь, конечно, беспорядок. Я привык поступать так в общении с людьми, которым не хочу давать заглядывать в свои карты... Да, знаешь, и в женском вопросе... ты многое определил очень точно. *(Тем временем подошел к телефону, позвонил и говорит то в трубку, то обращаясь к Лоту.)* А моя малышка свояченица вся превратилась в слух... *(В телефон.)* Франц! Через десять минут запряги лошадей... *(Лоту.)* Это произвело на нее впечатление... *(В телефон.)* Что?.. Ах, что за глупости!.. Ну, тогда слушайте... Запрягите быстренько вороных... *(Лоту.)* А почему бы не произвести впечатления?.. *(В телефон.)* Батюшки! Так вы говорите — к модистке?.. Барыня?.. Да, ну да!.. И тотчас же!.. Ну да! Хорошо! Все! *(Нажимая кнопку звонка, обращается к Лоту.)* Подожди-ка ты! Дай мне только соорудить этукую гору из монет, и тогда, увидишь, произойдет нечто...

Входит Эдуард.

Поддай мне гамаши и выходной сюртук!

Эдуард уходит.

Тогда, быть может, произойдет нечто такое, во что вы сейчас еще неспособны поверить... Когда ты через два-

три дня... Но до того ты должен жить у нас... Иначе я приму это как вызывающее оскорбление... (*Снимает халат.*) Так вот, когда ты через два-три дня соберешься в путь, я отвезу тебя на станцию в моей коляске.

Входит Эдуард, неся сюртук и гамаш.

Гофман (*которому слуга подает сюртук*). Вот так! (*Садится на стул.*) Теперь ботинки! (*Надевает один ботинок.*) С одним справился.

Лот. Ты, кажется, меня не совсем понял.

Гофман. Да? Возможно. Я так отвык от этих материй. Все больше дела коммерческие... Эдуард! Почта еще не пришла? Подождите-ка!.. Ступайте в мою комнату! Там на бюро слева лежит рукопись в синей папке,—отнесите ее в карету.

Эдуард уходит в дверь направо, затем возвращается и уходит в среднюю дверь.

Лот. Мне кажется, что ты меня не понял в одном отношении.

Гофман (*возится со вторым ботинком*). Уф-уф!.. Ну вот! (*Встает и пригнывает ногами.*) Теперь все в порядке. Ничего нет неприятнее тесной обуви... Что ты сказал?

Лот. Ты говорил о моем отъезде...

Гофман. Ну да?

Лот. Я же тебе уже сказал, что должен остаться здесь ради вполне определенной цели.

Гофман (*смущен и раздосадован*). Послушай-ка!.. Ведь это же совершенно недостойно!.. Ты, что же, не понимаешь, что, как друг, ты должен заплатить мне...

Лот. Надеюсь, не изменой своему делу?!

Гофман (*вне себя*). Ну, если так... если так, то я не имею ни малейшего основания дружески относиться к тебе. Говорю тебе, что считаю твое поведение... мягко выражаясь... неслыханной дерзостью.

Лот (*очень спокойно*). Может, ты объяснишь, что дает тебе право награждать меня подобными эпитетами?..

Гофман. И я еще должен ему объяснять? Ну, знаешь, мое терпение истощается! Чтобы не заметить это-

го, надо иметь шкуру носорога! Ты являешься сюда, пользуешься моим гостеприимством, выкладываешь мне целую кучу затрепанных афоризмов, засоряешь мозги моей свояченице, болтаешь о старой дружбе и прочих нежностях и потом с пренаивным видом сообщаем, что ты намерен состряпать описание здешних условий и дел. Да за кого ты меня, собственно, принимаешь? Может быть, ты полагаешь, будто мне неизвестно, что такие, с позволения сказать, работы — это не что иное, как бесстыдные памфлеты?.. Ты хочешь написать пасквиль, и притом именно о нашем угольном районе. Может быть, я должен поверить, что ты не понимаешь, кому твой пасквиль принесет самый беспощадный вред? Мне, и только мне!.. Вам надо еще сильнее ударить по рукам, чем это делали до сих пор,— вам, развращающим народ! Что вы творите? Вы сеете недовольство среди углекопов, вы приучаете их требовать и требовать, вы возбуждаете их, вы ожесточаете их, вы учите их строптивости и непослушанию, вы сулите им золотые горы, а сами незаметно крадете из их карманов последние несколько пфеннигов.

Лот. Итак, ты соизволил снять маску?

Гофман (*грубо*). А, чего там! Ты — смешная напыщенная ходячая добродетель! Подумаешь, велика беда появиться перед тобой без маски... Лучше возмись за дело, работай! И брось свою глупую болтовню! Делай что-нибудь! Найди что-нибудь. Мне такие не нужны, которые просят займы двести марок. (*Быстро уходит в среднюю дверь.*)

Лот спокойно смотрит ему вслед, затем так же спокойно вынимает из кармана портмоне, извлекает из него бумажку — чек Гофмана, рвет ее на мелкие части и бросает обрывки в ящик для угля. На пороге зимнего сада появляется Елена.

Елена (*тихо*). Господин Лот!

Лот (*вздрагивает, оборачивается*). Ах, это вы... Ну, тогда... тогда я могу хотя бы проститься с вами.

Елена (*непосредственно*). Вам этого хотелось?

Лот. Да!.. Хотелось!.. Если бы вы были рядом... то, полагаю... вы слышали бы всю эту сцену... и тогда...

Елена. Я слышала все.

Лот. Ну... а если так... то вас не удивит, что я покину этот дом тихо и бесшумно.

Елена. Н-нет!.. Я понимаю... Может быть, вы все же смягчитесь. Мой зять быстро отходит... Я часто...

Лот. Возможно! Но, может быть, как раз поэтому я убежден, что все, сказанное им обо мне,—его истинное мнение... Это, конечно, его настоящее мнение.

Елена. Вы так думаете?

Лот. Да!.. Думаю!.. Ну вот... *(Подходит к ней, подает ей руку.)* Будьте счастливы! *(Поворачивается, намереваясь уйти, но останавливается.)* Я не знаю! Вернее... *(Спокойным, ясным взглядом смотрит в лицо Елене.)* Я знаю, знаю... с этого мгновения я знаю, что мне нелегко уходить отсюда... и... да... ну да!

Елена. А если бы я очень попросила вас... если бы я очень, очень попросила... остаться здесь еще?..

Лот. Вы, значит, не разделяете мнений вашего зятя?

Елена. Нет!.. И я очень хотела... я обязательно хотела сказать это, раньше... раньше чем... чем вы... уходите...

Лот *(снова берет ее за руки)*. Мне очень приятно.

Елена *(борется с собой. Ее волнение стремительно возрастает, доводя ее до почти бессознательного состояния. Она с трудом бормочет слова)*. Я еще больше хотела вам... хотела сказать вам... Именно вам... хотела сказать, что я вас... глубоко уважаю... и почитаю, как никого... как никого раньше... что я вам доверяю... что я готова... что я готова доказать... что я испытываю к тебе... к вам... *(Падает без чувств.)*

Лот *(подхватывает ее)*. Елена!

Занавес быстро падает.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тот же усадебный двор, что и во втором действии. Время — через четверть часа после любовного признания Елены.

Мария и Голиш, подпасок, волокут вниз по лестнице деревянный ларь. Из дома выходит приготовившийся к отъезду Лот и медленно, в задумчивости пересекает двор. Близ поворота, ведущего к трактиру, он сталкивается с Гофманом, который спешит ему навстречу через ворота.

Гофман *(на нем цилиндр, лайковые перчатки)*. Не сердись на меня. *(Загораживает Лоту дорогу и хватает его за обе руки.)* Я беру все свои слова назад! Требуй от меня удовлетворения! Я готов на любое! Я очень раскаиваюсь, я искренне раскаиваюсь!

Лот. Это мало поможет и тебе и мне.

Гофман. Ах, если бы ты... Ну подумай сам! Ничего уж не поделаешь. Я же тебе говорю: совесть меня совсем замучила. Я уже почти доехал до Яуэра и вот вернулся... Ты же видишь: вернулся потому, что серьезно переживаю... Куда ты направляешься?

Лот. Сначала в гостиницу.

Гофман. Только не это!.. Я, право, не заслужил. Я понимаю, что тебя все это глубоко обидело. Двумя-тремя словами такое, конечно, не исправишь. Но, послушай, не отнимай у меня случая... не отнимай возможности доказать тебе... Вернись... Останься хотя бы до завтра. Или, знаешь... до моего возвращения. Я должен еще раз поговорить с тобой не спеша... Ты же мне не откажешь?

Лот. Если это тебе так необходимо,

Гофман. Очень!.. Даю тебе слово. Мне очень важно!.. Так пойдем же! Пойдем же! Пойдем!.. Не убегай! Идем! (*Тащит Лота, который больше не упирается, к дому.*)

Оба уходят.

Служанка и подпасок тем временем погрузили ларь на тележку, Голиш берет за лямку.

Мария (*сует что-то Голишу в руку*). Держи! Вот тебе.

Парень (*отстраняясь*). Оставьте их себе.

Мария. Эх, глупый малый!

Парень. Ну, будь по-твоему. (*Берет деньги и прячет их в кожаный кошелек.*)

Фрау Шпиллер (*кричит из окна дома*). Мария!

Мария. Чего вам еще?

Фрау Шпиллер (*появляется в дверях*). Барыня согласна оставить тебя, если ты пообещаешь...

Мария. Черта лысого я ей пообещаю!.. А ну, тащи, Гош!

Фрау Шпиллер (*подходит к ней вплотную*). Барыня хочет прибавить тебе денег, если ты... (*Переходит на шепот.*) Слушай, девка, не расстраивайся! С ней иногда бывает, что она выходит из себя.

Мария (*в ярости*). Пусть подавится своими деньгами!.. (*Плаксивым тоном.*) Лучше с голоду сдохну! (*Догоняет Голиша, который покати́л тележку.*) Нет, этого еще не хватало!.. Эй, погоди ты... (*Уходит.*)

Фрау Шпиллер — за ней.

Через ворота входит Баэр, по прозвищу Гопля-Баэр. Это долговязый, зобастый человек. Он бос, без шайки, в коротких потрепанных штанах. Сохранившиеся вокруг широкой плечи волосы свисают до плеч темными, грязными, спутанными космами. Он шагает широко, степенно, таща за собой детскую колясочку, наполненную песком. У него безбородое, безусое лицо. Этот крестьянский парень в возрасте лет двадцати с лишним оставляет впечатление полной запущенности.

Баэр (*странным, блеющим голосом*). Пе-е-е-сок! Пе-е-е-сок! (*Идет по двору и исчезает между домом и хлевом.*)

Из дома выходят Гофман и Елена. Слегка бледна, в руке у нее пустой стакан.

Гофман (Елене). Займи его хоть немножко! Понимаешь?.. Задержи его. Мне очень важно... Этакое уязвленное честолюбие... Ну, до свидания!.. Не могу же я из-за этого не ехать... А как самочувствие Марты? Ты знаешь, у меня предчувствие, что все произойдет скоро... Впрочем, вздор! До свидания! Я очень спешу. (Кричит.) Франц! Едем что есть духу! (Быстро уходит в ворота.)

Елена идет к насосу, накачивает стакан воды и залпом выпивает его. Потом наливает второй и пьет до половины. Ставит стакан на насос и медленным шагом идет в ворота, по временам оглядываясь назад. Возвращается Баэр, молча останавливается перед входом в дом. Миля берет у него песок. Тем временем во дворе появляется Кааль и начинает переговариваться с фрау Шпиллер, находящейся по ту сторону двора, неподалеку от ворот. Разговаривая, они медленно движутся по обе стороны забора.

Фрау Шпиллер (страдающим тоном). Ах... м-м... милостивый государь, господин Кааль! Я так часто... м-м... думала о вас... м-м... когда фрейлейн... Ведь она... так сказать... помолвлена с вами... и вот... м-м... Ах, в мои времена!..

Кааль (встает на скамью и укрепляет на нижней ветке дуба клетку для синиц). К-когда же н-наконец убер-рется отсюда п-подлец д-доктор, а?

Фрау Шпиллер. Ах, господин Кааль! Мне кажется, что... м-м... не скоро... Ах!.. Ах, господин Кааль, я, хотя, так сказать... м-м... несколько... м-м... опустилась, но я знаю, так сказать... м-м... что такое обхождение. Я вижу, господин Кааль... что фрейлейн... м-м... что фрейлейн... поступает с вами дурно... Нет уж!.. М-м... этим, так сказать, я никогда... м-м... не грешила... Моя совесть... м-м... господин Кааль, чиста... так сказать, как белый снег.

Баэр закончил продажу песка и уходит со двора мимо Кааля.

Кааль (кричит, заметив Баэра). А, Г-гопля-Баэр! П-прыгни-ка р-разок!

Баэр делает гигантский прыжок и исчезает.

(Весело гогочет, кричит Баэру.) Эй, попрыгун! П-прыгни разочек!

Фрау Шпиллер. Так вот... м-м... господин Калы!.. Я ведь вам только добра желаю. Вы должны обратить внимание... м-м... милостивый государь! С фрейлейн творится... м-м... что-то неладное. И... м-м...

К а а л ь. Доктор — п-подлец... П-п-пошел он к с-собакам!..

Фрау Шпиллер (*таинственным тоном*). Вы бы знали только... м-м... что это за тип. Ах, мне так жалко фрейлейн! Жена полицейского... м-м... я думаю, у нее сведения из участка... Она говорит, что он очень... м-м... опасный тип. Ее муж... м-м... подумайте только... имеет поручение следить за ним.

Из дома выходит Лот, осматривается.

Вот видите, он ищет фрейлейн... м-м... Ах, как это ужасно!

К а а л ь. Ну, п-подожди-ка! (*Уходит.*)

Фрау Шпиллер направляется к дому. Проходя мимо Лота, приседает с глубоким поклоном. Уходит в дом. Лот медленно выходит со двора в ворота. Между хлевом и домом появляется жена возчика — тощая, изможденная, изголодавшаяся женщина. Под передником она несет горшок и, пугливо озираясь, крадется с ним в сторону коровника, в котором и скрывается. Две работницы ввозят через ворота тачки, наполненные клевером. За ними следует Бейбст — на плече у него коса, в зубах короткая трубка. Лиза толкает тачку с левой двери хлева, Густа — к правой; обе работницы большими охапками носят клевер в хлев.

Лиза (*выходит из хлева с пустыми руками*). Эй, Густа, Мария-то ушла.

Густа. Да что ты?!

Лиза. Ну да! Поди спроси у возчицы Франциски, она доит там для себя.

Бейбст (*вешает косу на стену*). Только бы Шпиллержа не притащила и не застучала ее.

Густа. Ох, верно, — только б эта не пришла.

Лиза. У бедняги дома восемь ртов.

Густа. Восемь малышей!.. И все хотят есть.

Лиза. Горшка молока и то никогда ей не дадут. До чего злые.

Густа. А где она доит?

Лиза. А вон там, в коровнике.

Бейбст (*держит в зубах мешочек с табаком, наби-
вает трубку и бормочет*). Так, говорите,— ушла Мария?

Лиза. Чистая правда!.. Она спала с конюхом.

Бейбст (*прячет в карман мешочек с табаком*). Ра-
зочек каждому хочется!.. И женщине тоже. (*Раскури-
вает трубку и, говоря, уходит через главный вход.*) Ну,
я пойду поем.

Жена возчика (*прячет горшок с молоком под пе-
редником, выглядывает из хлева*). Меня никто не уви-
дит?

Лиза. Можешь идти, никто тебя не увидит. Про-
ходи скорей!

Жена возчика (*проходя, работницам*). Вот, для
самого малого.

Лиза (*кричит ей вдогонку*). Поторапливайся!
Идет кто-то.

Жена возчика исчезает между домом и конюшней.

Густа. Да это наша барышня.

Работницы уносят остатки клевера и толкают пустые тачки
под навес, затем уходят в коровник. В ворота входят Лот и
Елена.

Лот. Омерзительный субъект этот Кааль — какой-
то грязный шпик!

Елена. Я думаю, пройдем в беседку...

Они идут через калитку в садик, расположенный впереди слева, и
входят в беседку.

Это мое любимое место. Здесь меня никто не тревожит,
когда мне хочется почитать.

Лот. Верно!.. Красивое место.

Садятся на некотором расстоянии друг от друга.

А у вас такие красивые, такие пышные волосы, фрей-
лейн!

Елена. Ах, зять мне тоже говорит... Он говорит,
что не встречал таких, даже в городе... Коса толщиной
в руку... Если распустить косу, то волосы упадут до
колен. Потрогайте!.. Они как шелк, верно?

Лот. Совсем как шелк. (*Вздрагивает, склоняется
к ней и целует ее волосы.*)

Елена. Ах, не надо! Если...

Лот. Елена! Разве это было не серьезно?

Елена. Ах... мне так ужасно стыдно. Что я наде-
лала?.. Я тебе... Я сама бросилась вам на шею... Что
вы должны обо мне думать?

Лот (*придвигается, берет ее руку в свои*). Будьте
спокойны на этот счет, право!

Елена (*вздыхает*). Ах, если б узнала сестра Шмит-
хен... Страшно подумать!

Лот. Кто такая сестра Шмитхен?

Елена. Учительница в пансионе.

Лот. Как вы можете мучиться из-за какой-то сест-
ры Шмитхен?

Елена. Она была очень хорошая!.. (*Громко смеется.*)

Лот. Почему ты вдруг засмеялась?

Елена (*не то уважительно, не то насмешливо*).
Ах!.. Когда она стояла на хорах и пела... У нее был
один-единственный, длинный-предлинный зуб... Петь
нужно было: «Утешь, утешь народ мой!», а у нее полу-
чалось: «Уешь, уешь народ мой!» Это было так глупо и
смешно... Мы все так смеялись, когда она выводила на
весь зал: «Уешь, уешь!..» (*Не может сдержать смеха.*)

Лот заражается ее веселостью. Она представляется ему такой очаровательной, что он пытается воспользоваться мгновением и обнять ее.

(*Отстраняется.*) Ах, не надо! Я тебе... я вам сама бросилась на шею.

Лот. Полно вам говорить об этом.

Елена. Но я не виновата. Вина — ваша... Зачем вы требуете...

Лот обнимает и привлекает ее к себе. Вначале она слабо противится, затем уступает и смотрит с радостным выражением на склонившееся над ней озаренное счастьем лицо Лота. Вдруг, осмелев, она целует его в губы. Оба краснеют, затем Лот целует ее долгим, крепким, страстным поцелуем. Поцелуи длятся, как немая, но красноречивая беседа. Первым заговаривает Лот.

Лот. Елена!.. Ведь так? Ведь тебя зовут здесь Еленой?

Елена (*целует его*). Зови меня иначе... Зови, как тебе нравится.

Лот. Любимая!..

Они молча целуются, снова всматриваясь друг в друга.

Елена (*крепко сжимая в объятиях Лота, положив голову на его грудь, с затуманенным от счастья взором, шепчет в упоении*). Ах!.. Как хорошо! Как хорошо!..

Лот. С тобой я готов на смерть.

Елена (*порывисто*). Нет, мы будем жить! (*Высвобождается из его объятий*.) Зачем нам умирать? Зачем нам теперь?..

Лот. Пойми меня верно. Я давно уже тешу себя мыслью.. Я тешу себя мыслью, что возьму ее за руку,— так просто, понимаешь?

Елена. Смерть за руку?

Лот (*без малейшей сентиментальности*). Да, и тогда в ней не окажется ничего грозного. Наоборот, в ней будет что-то ласковое. Позовешь ее и твердо знаешь, что она придет. И тогда можно подняться над многим, тогда прошедшее и грядущее... (*Рассматривает руку Елены*.) У тебя удивительно красивая рука. (*Гладит ее руку*.)

Елена. Ах, да!.. Вот так... (*Снова прижимается к нему*.)

Лот. Знаешь, я ведь еще не жил! До сих пор я еще не жил!

Елена. А ты думаешь, я жила? Мне почти что дурно от счастья... Голова идет кругом. Боже! Как же это... Вот так вдруг...

Лот. Да, так вдруг...

Елена. Послушай! У меня такое чувство, точно вся моя прежняя жизнь длилась всего один день! А вот вчера и сегодня — целый год! Верно?

Лот. Я приехал только вчера?

Елена. Вот именно!.. Конечно!.. Ты даже позабыл!

Лот. Право, мне тоже кажется...

Елена. Что прошел целый долгий год!.. Верно?.. (*Приподымается*.) Постой!.. Не идет ли там кто-то?

Они отодвигаются друг от друга.

Ах, мне уже все равно. Я теперь такая смелая. (*Остается на месте и взглядом подзывает Лота.*)

Лот придвигается к ней.

(*В объятиях Лота.*) Слушай! С чего же мы начнем?

Лот. Твоя мачеха, вероятно, откажет мне.

Елена. Ах, моя мачеха... Ее вообще... Ее это вообще не касается! Я поступлю, как захочу... Мне принадлежит моя часть в материнском наследстве,—я хочу, чтобы ты знал об этом.

Лот. И ты думаешь...

Елена. Я совершеннолетняя, отец обязан выплачивать мне мою долю.

Лот. Ты, видно, здесь не со всеми в ладах?... Куда уехал твой отец?

Елена. Как — уехал?.. Да ты... ты еще не видел отца?

Лот. Нет, Гофман сказал мне...

Елена. И все же... Ты его один раз видел.

Лот. Я не знал... Где же, любимая?

Елена. Я... (*Рыдает.*) Нет, не могу... Я не могу тебе сказать... Слишком страшно.

Лот. Почему страшно? Но, Елена, разве с твоим отцом...

Елена. Ах, не спрашивай! Только не сейчас! Потом!

Лот. Я, конечно, не буду спрашивать, раз ты не хочешь сказать сама... Но, видишь ли, что касается денег... В крайнем случае... Статьями я зарабатываю не слишком много, но думаю, что этого могло бы хватить для нас двоих.

Елена. И я не буду сидеть без дела. Но кашу маслом не испортишь. Моя часть наследства нам пригодится... А ты должен выполнять свою задачу... Ты ни за что не должен отступать от нее, тем более теперь! У тебя должны быть свободные руки.

Лот (*нежно целует ее*). Милое, благородное создание!

Елена. Ты правда любишь меня?.. Это правда? Правда?

Лот. Да, правда!

Елена. Повтори сто раз: правда!

Лот. Правда, правда и еще раз — истинная правда!

Елена. Послушай, ты жульничаешь?!

Лот. Нет, одна истинная правда стоит сотни простых.

Елена. Вот как?! Так принято в Берлине?

Лот. Нет, в Вицдорфе.

Елена. Ах вот ты какой!.. Ну, посмотри на мой мизинец и не рассмейся.

Лот. Хорошо.

Елена. Скажи, кроме этой первой невесты у тебя были другие?.. Почему ты смеешься?

Лот. Я должен сказать со всей серьезностью, любимая... Я считаю это своим долгом!.. Я со многими женщинами...

Елена (*вскакивает, быстрым и резким движением зажимает ему рот*). Бога ради!.. Скажешь об этом когда-нибудь... После... когда мы будем старыми... Через много лет... Когда я скажу тебе: теперь можно... И никак не раньше, слышишь?!

Лот. Хорошо, как хочешь!

Елена. А сейчас что-нибудь красивое! Вот: повторай за мной!

Лот. Что?

Елена. «Я тебя...»

Лот. «Я тебя...»

Елена. «...и только тебя...»

Лот. «...и только тебя...»

Елена. «... любил... Любил всю жизнь...».

Лот. «... любил... Любил всю жизнь...».

Елена. «И всю свою жизнь буду любить только тебя».

Лот. «И всю свою жизнь буду любить только тебя». И это так же верно, так верно, как то, что я честный человек.

Елена. Я этого не говорила.

Лот. Зато сказал я.

Целуются.

Елена (*тихо напевая*). Ты вошел в мое сердце...

Лот. Теперь тебе пора исповедаться.

Елена. Во всем, о чем ты спросишь.

Лот. Признайся! Я у тебя первый?

Елена. Нет.

Лот. А кто?

Елена (*смеется задорно*). Кааль, Вильгельм!

Лот (*смеется*). А еще кто?

Елена. Ах, нет!.. Больше никого. Поверь мне... Ну зачем же мне лгать?

Лот. Значит, кто-то еще?

Елена (*взволнованно*). Прошу, прошу, прошу, прошу тебя,— не спрашивай сейчас об этом. (*Закрывает лицо руками и вдруг начинает плакать.*)

Лот. Но... Ленхен! Я вовсе не настаиваю.

Елена. Потом! Все, все потом!

Лот. Быть по сему, любимая...

Елена. Да, впрочем, был один... знаешь ли... Был один, которого я... потому что он казался лучшим среди плохих. Но теперь все изменилось. (*Плачет на груди у Лота, говорит порывисто.*) Ах, если б мы могли никогда не расставаться! Как хорошо было бы сейчас же уйти с тобой.

Лот. Тебе очень худо живется в этом доме?

Елена. Ах, если бы ты знал!.. Здесь все так ужасно... Все, что здесь делается. Жизнь тут... совсем как у скотов... Я погибла бы без тебя... Мне страшно!

Лот. Я думаю, тебе, любимая, стало бы лучше на душе, если б ты рассказала мне все откровенно!

Елена. Да, конечно! Но... мне не справиться с собой. По крайней мере сейчас... Сейчас я еще не могу!.. Я боюсь.

Лот. Ты была в пансионе?

Елена. Мама так решила... На смертном одре.

Лот. И сестра твоя была?..

Елена. Нет!.. Она всегда была дома... А когда я вернулась через четыре года, то застала отца, который... мачеху, а та... сестру... Ну, догадайся, что я хочу сказать!

Лот. Твоя мачеха сварлива?.. А? Ревнива?.. Бесчувственна?

Елена. Отец...

Лот. Ну, он, вероятно, пляшет под ее дудку... Наверно, она его тиранит?

Елена. Если бы это... Но нет!.. Это так ужасно!.. Тебе и в голову не придет... Что тот, которого ты... что это был мой отец...

Лот. Только не плачь, Ленхен! Видишь, я хочу настоять на том, чтобы ты мне...

Елена. Нет, не могу! Я просто не в силах...

Лот. Ты только бередишь свои чувства.

Елена. Мне бесконечно стыдно!.. Ты оттолкнешь, ты прогонишь меня!.. Это превосходит все представления... Это мерзко!

Лот. Ленхен, ты меня просто не знаешь. Иначе ты никогда не заподозрила бы меня... Оттолкнуть! Прогнать! Неужели я кажусь тебе таким грубым?

Елена. Мой зять говорит, что ты холодный человек... Но нет, нет! Ты этого не сделаешь? Ведь верно?.. Ты же не перешагнешь через меня?.. Только не это!.. Я не знаю, что... тогда... будет со мной.

Лот. Сущий вздор! У меня нет ни малейшей причины...

Елена. Значит, ты допускаешь самую возможность?

Лот. Нет, в том-то и дело, что нет.

Елена. Но если ты сможешь придумать причину.

Лот. Причины, конечно, бывают, но... ведь они ни при чем.

Елена. Какие причины?

Лот. Например, я отвернулся бы от того, кто захотел бы, чтоб я изменил самому себе.

Елена. Этого я, конечно, не хочу... Но я, наверно, не избавлюсь от одного чувства.

Лот. Какого, любимая?

Елена. Возможно, это потому, что я такая глупая!.. У меня так пусто в голове. Я даже не знаю, что такое убеждения... Верно, ведь это ужасно. Я люблю тебя просто так!.. Но ты такой хороший, такой большой... и ты так много знаешь. Мне так страшно, что вдруг я скажу или сделаю что-нибудь глупое... Ты вдруг заметишь, что дальше так не годится, что я... слишком

глупа для тебя... Я и в самом деле дурная и глупая, как чучело гороховое.

Лот. Ну что мне сказать?! Ты для меня — венец всего. Ты для меня — все. И другого я ничего не знаю.

Елена. Я ведь и здоровая...

Лот. Скажи мне, а родители твои здоровы?

Елена. Да! Моя мать умерла от родильной горячки. Отец здоров и сейчас. У него, вероятно, могучее здоровье. Но...

Лот. Ну вот видишь! Значит...

Елена. А если бы родители не были здоровы?

Лот (*целует ее*). Но ведь они здоровы, Ленхен.

Елена. А если бы они не были здоровы?..

Фрау Краузе *распахивает окно в доме.*

Фрау Краузе (*кричит во двор*). Эй, девки! Эй, вы, де-евки!

Голос Лизы (из коровника): «Фрау Краузе?!»

Беги за Мюллершей! Начинается!

Голос Лизы: «Че-го? Вы разумеете акушерку Мюллер?»

Ну да! И живо, поворачивайся! (*Захлопывает окно.*)

Лиза бежит в конюшню, затем, повязывая голову платком, убегает со двора. В дверях дома появляется фрау Шпиллер.

Фрау Шпиллер. Фрейлейн Елена!.. Фрейлейн Елена!

Елена. Что там случилось?

Фрау Шпиллер (*приближается к беседке*). Фрейлейн Елена!

Елена. Ах вот оно что!.. Сестра!.. (*Лоту.*) Уходи! Вот туда...

Лот быстро удаляется влево. Елена выходит из беседки.

Фрау Шпиллер. Фрейлейн!.. Ах, да вот вы наконец.

Елена. Что случилось?

Фрау Шпиллер. Ах!.. м-м... У вашей сестрицы (*шепчет ей что-то на ухо*) м-м... м-м...

Елена. Зять велел, если начнется, немедленно по-
слать за врачом.

Фрау Шпиллер. Но, фрейлейн... м-м... Она ведь
не хочет... м-м... врача... Эти врачи... ах, эти врачи...
м-м... С божьей помощью...

Из дома выходит Миля.

Елена (*решительно*). Миля, ступайте сию же ми-
нуту за доктором Шиммельпфеннигом.

Фрау Шпиллер. Но, фрейлейн...

Фрау Краузе (*из окна, повелительным тоном*).
Миля! Пойдешь наверх!

Елена (*так же*). Идите за врачом, Миля.

Миля возвращается в дом.

Ну, если так, то я сама... (*Входит в дом и немедленно
возвращается с соломенной шляпой в руках.*)

Фрау Шпиллер. Худо будет... м-м... Худо бу-
дет... м-м... фрейлейн, если... м-м... вы позовете врача.

Елена идет мимо нее. Фрау Шпиллер, покачивая головой, ух-
дит в дом. При выходе со двора Елена замечает Кааля, стоящего
у ворот за забором.

Кааль (*окликает Елену*). Что у в-вас там п-про-
исходит?

Елена не останавливается и не удостаивает Кааля ни взглядом, ни
ответом.

(*Смеется.*) Что у в-вас там? Верно, с-свинью режут?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната, что и в первом действии. Время около двух часов ночи. В комнате темно. Сквозь раскрытую среднюю дверь из сеней проникает свет. Виднеется освещенная деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Все разговоры в этом действии, за немногими исключениями, происходят в приглушенных тонах.

В среднюю дверь входит Эдуард со свечой в руках. Он зажигает над столом в углу газовые рожки висячей лампы. В это время в среднюю дверь входит Лот.

Эдуард. Ну и ну!.. Вы ни на минуту так и не сомкнули глаз.

Лот. Я и не думал о сне. Я писал.

Эдуард. А, что там! *(Зажигает огонь.)* Так!.. Ну, конечно! Это, должно быть, здорово трудно... Не подать ли господину доктору чернила и перо?

Лот. В самом деле... Будьте так добры, Эдуард.

Эдуард *(ставит на стол чернила и перья)*. Я вот все думаю, что порядочный человек ни шкуры, ни костей своих не пощадит ради любого ничтожнейшего головастика. Даже ночью нет ему покоя... *(Все более доверительным тоном.)* А уж здесь люди — чистые бездельники! Сплошь гнилье, сплошь бесполезный сброд... Господину доктору тоже, видно, приходится вникать в дело, чтобы, как всем честным людям, заработать свои крохи на жизнь.

Лот. Я очень бы хотел не нуждаться.

Эдуард. То-то! И не вы одни. Я тоже.

Лот. Фрейлейн Елена, вероятно, у сестры?

Эдуард. Вот что правда, то правда — хорошая она девушка. Только не оставляйте ее одну.

Лот (смотрит на часы). Схватки начались в одиннадцать утра. Итак, они продолжаются... Они продолжают уже пятнадцать часов. Целых пятнадцать часов!..

Эдуард. Бог знает, почему их называют слабым полом! Но так прозвали, так и зовут...

Лот. Господин Гофман тоже наверху?

Эдуард. Вот, скажу вам, кто настоящая баба.

Лот. Наблюдать такое — не пустяки.

Эдуард. Да что там! Я и сам понимаю!.. Только что прошел туда доктор Шиммельпфенниг. Вот он — мужчина, доложу я вам. Тверд как камень, — перед ним колотый сахар просто порошок. Скажите, пожалуйста, ну что в этом Берлине... (При виде спускающихся по лестнице Гофмана и врача внезапно прерывает свою речь.) Ах, господи!

Входят Гофман и доктор Шиммельпфенниг.

Гофман. Теперь, надеюсь, вы останетесь у нас.

Доктор Шиммельпфенниг. Да! Теперь останусь.

Гофман. В вашем присутствии мне гораздо спокойнее. Разрешите стакан вина?.. Вы выпьете стаканчик, господин доктор?!

Доктор Шиммельпфенниг. Если на то пошло, велите лучше вскипятить мне чашку кофе.

Гофман. С удовольствием... Эдуард! Кофе господину доктору!

~

Эдуард уходит.

Итак?.. Итак, вы считаете, что дела идут?..

Доктор Шиммельпфенниг. Прямой опасности для вашей супруги нет, пока она сохраняет силы. Скажите, однако, — почему вы не пригласили ту молодую акушерку? Помнится, я вам ее рекомендовал.

Гофман. Знаете, моя теща... Что подделаешь? Честно говоря, и жена не питала доверия к молоденькой.

Доктор Шиммельпфенниг. А к этому ископаемому чудищу ваши дамы относятся с доверием?! Ну что ж, на здоровье!.. Вы, кажется, снова собираетесь наверх?

Гофман. Откровенно говоря, я чувствую себя здесь как-то беспокойно.

Доктор Шиммельпфенниг. Ушли бы вы лучше куда-нибудь из дома.

Гофман. При всем желании не решаюсь... Ах, Лот, ты все еще здесь.

Лот встает с дивана, находящегося на затемненной авансцене, и направляется к Гофману и Шиммельпфеннигу.

Доктор Шиммельпфенниг (*удивлен неожиданной встречей*). Черт побери!

Лот. Я уже слышал, что ты здесь. Завтра я все равно разыскал бы тебя.

Лот и Шиммельпфенниг обмениваются крепким рукопожатием. В это время Гофман хватает с буфета рюмку коньяку, быстро пьет, затем крадучись, на цыпочках покидает комнату и убегает вверх по деревянной лестнице. Разговор друзей проходит вначале в атмосфере некоторой сдержанности.

Доктор Шиммельпфенниг. Так ты, значит... ха-ха-ха... Ты, значит, забыл эту старую глупую историю? (*Кладет в сторону шляпу и палку.*)

Лот. Давным-давно забыл, Шиммель!

Доктор Шиммельпфенниг. Ну, и я тоже! Сам понимаешь.

Они снова пожимают друг другу руки.

В этом, с позволения сказать, гнезде для меня так мало приятного, что наша встреча кажется мне самым радостным событием. Просто чудеса! Встретиться именно здесь... Чудеса!

Лот. Но ты же тогда пропал без вести! Иначе бы тебя давно доконали.

Доктор Шиммельпфенниг. Ушел под воду, как тюлень, и занялся глубинными изысканиями. Надеюсь вынырнуть года через полтора. Чтобы сделать что-нибудь толковое, нужна, понимаете... Нужна, понимаешь, материальная независимость.

Лот. Значит, и ты здесь делаешь деньги?

Доктор Шиммельпфенниг. Разумеется, и притом как можно больше. А что здесь делать иначе?

Лот. Ты бы хоть когда-нибудь подал о себе весть.

Доктор Шиммельпфенниг. Позвольте... Позвольте, пожалуйста... Если бы я сообщал о себе, это значит, что и я получал бы вести от вас. А я о вас знать не хотел. Ничего... Решительно ничего. Ведь это отвлекло бы меня от золотых россыпей.

Они медленными шагами ходят взад и вперед по комнате.

Лот. Так-так... В таком случае тебе не следует удивляться, что они... Не могу не сказать тебе... Они, все без исключения, отреклись от тебя.

Доктор Шиммельпфенниг. Верны себе! Банда!.. Но я еще им покажу.

Лот. Шиммель, по прованию «Грубиян»!

Доктор Шиммельпфенниг. Прожил бы ты этак лет шесть среди здешних мужиков. Тут человек человеку волк.

Лот. Могу себе представить. Но ты-то каким образом угодил именно в Вицдорф?

Доктор Шиммельпфенниг. Очень просто. Тогда я должен был срочно удрать из Йены.

Лот. Это было, кажется, до моего провала?

Доктор Шиммельпфенниг. Да. Вскоре после того как мы разъехались. В Цюрихе я налег на медицину — прежде всего чтобы заработать на черный день. А потом увлекся ею, и теперь я медик душой и телом.

Лот. А сюда? Как ты попал сюда?

Доктор Шиммельпфенниг. Сюда... Ах, просто так! Кончив учиться, сказал себе: прежде всего нужны деньги. Я думал было двинуться в Америку, в Южную и Северную Америку, в Африку, в Австралию, на Зондские острова... В конце концов я понял, что пора таких детских затей уже прошла. И тогда я решил вернуться в мышеловку.

Лот. А экзамены ты в Швейцарии держал?

Доктор Шиммельпфенниг. Эту канитель я пережил здесь еще раз.

Лот. Так ты дважды сдавал государственные экзамены? Ну и парень!

Доктор Шиммельпфенниг. Да!.. И в конце концов я обрел здесь свои тучные луга.

Лот. У тебя завидное упорство.

Доктор Шиммельпфенниг. Правда, не все мне удавалось сразу... Ну, в конце концов не велика беда.

Лот. У тебя большая практика?

Доктор Шиммельпфенниг. Да! Бывает, что я добираюсь до постели не раньше пяти часов утра. А с семи снова начинаю прием.

Эдуард приносит кофе.

(Садясь за стол.) Спасибо, Эдуард!.. (Лоту.) Кофе хлещу... в жутких количествах.

Лот. Лучше им не злоупотреблять.

Доктор Шиммельпфенниг. Что поделаешь? (Пьет маленькими глотками.) Еще год, а там... думаю... должно кончиться... по крайней мере я надеюсь.

Лот. И ты совсем откажешься от практики?

Доктор Шиммельпфенниг. Не знаю. Ну, хватит. (Отодвигает поднос с кофейником, вытирает рот.) Слушай, покажи мне твою руку.

Лот протягивает ему обе руки.

Итак, ты не привел в свой дом прекрасную далекарлийку?! Ты так и не обрел ее?.. А ведь мечтал об этой ядерной бабе со здоровой кровью в жилах. Впрочем, ты прав! Уж если брать, так именно такую... Или ты больше не придерживаешься этих взглядов?

Лот. Придерживаюсь. И еще как!

Доктор Шиммельпфенниг. Ах, если бы и у здешних мужиков были такие же взгляды! А тут обстановка грустная — сплошное, доложу тебе, вырождение... (Извлекает из жилетного кармана портсигар и тут же опускает его обратно. Встает, прислушиваясь к звукам, проникающим через неплотно прикрытую наружную дверь.) Подожди-ка! (Идет на цыпочках к наружной двери, прислушивается.)

Снаружи слышен звук открывающейся двери, затем отчетливо доносятся стоны роженицы.

Доктор Шиммельпфенниг (тихо, Лоту). Прости! (Уходит.)

В то время как за сценой слышится хлопанье дверьми и с лестницы доносятся звуки шагов, Лот медленно обводит взглядом комнату, затем погружается в кресло, стоящее справа на авансцене. Входит Елена, крадучись пересекает комнату и, не замеченная Лотом, обнимает его сзади.

Лот (оборачивается, заключает ее в объятия). Ленхен! (Привлекает ее и, несмотря на некоторое сопротивление, сажает к себе на колени и целует.)

Елена плачет.

Ну не плачь, Ленхен! Почему ты плачешь?

Елена. Почему?... Сама не знаю!.. Мне все кажется, что я тебя больше не увижу. Я только что так испугалась.

Лот. Почему же?

Елена. Потому что я слышала, как ты вышел из своей комнаты... Ах, сестра моя... Бедные, бедные мы, женщины! Сколько мучений она выносит!

Лот. Боль скоро забывается, а смерть ей не грозит.

Елена. Какой ты, право!.. Она же хочет умереть... Она только и просит: «Дайте мне умереть...». Доктор! (Вскакивает и убегает в зимний сад.)

Доктор Шиммельпфенниг (входя). Теперь мне в самом деле хотелось бы, чтобы барынька там наверху немного поторопилась! (Садится к столу, вынимает портсигар, достает сигару и кладет ее на стол.) Ты ведь тогда поедешь ко мне, не так ли? На улице меня ждет неизбежное зло, запряженное двумя клячами. В нем мы можем пуститься в путь. (Постукивает сигарой по столу.) Эх, сладостное супружество! Так-так! (Зажигает спичку.) Так, значит, ты все еще невинен, ты все еще светел, свят, свободен, свеж?

Лот. Ты мог бы с успехом отложить свой вопрос на денек-другой.

Доктор Шиммельпфенниг (затягивается сигарой). Почему?.. Ах... ах так! (Смеется.) В конце концов ты становишься на мой путь.

Лот. В отношении женщин ты все такой же безнадежный пессимист?

Доктор Шиммельпфенниг. Безнадежный!!!
(Следит за дымом сигары.) Прежде я был пессимистом, так сказать, стихийным...

Лот. А за эти годы набрался опыта?

Доктор Шиммельпфенниг. Вот именно!.. У меня на вывеске начертано: «Специалист по женским болезням». Медицинская практика делает человека невероятно умным... невероятно здоровым... Она — сильнейшее средство против всякой заразы.

Лот (смеется). Кажется, нам пора вернуться к нашей старой манере разговора. Я, видишь ли, отнюдь не хочу... Я отнюдь не намерен встать на твой путь. И теперь меньше, чем когда-либо!.. Да и ты, кажется, покинул своего конька.

Доктор Шиммельпфенниг. Какого конька?

Лот. В былые времена женский вопрос был твоим коньком!

Доктор Шиммельпфенниг. Ах так!.. Но почему ты думаешь, что я его покинул?

Лот. Раз ты теперь думаешь о женщинах еще хуже, чем...

Доктор Шиммельпфенниг (несколько возбужденный, встает с места, расхаживает взад и вперед). Я... я... не думаю плохо о женщинах... Ничуть!.. Я только о женитьбах плохо думаю... о браке... Да, о браке... И притом о мужчинах я думаю хуже... Женский вопрос, говоришь, меня больше не интересует? Чего же ради я работал здесь как ломовая лошадь целых шесть лет? Ведь только для того, чтобы посвятить мои силы решению этого вопроса. Неужели ты не знал этого раньше?

Лот. Откуда я мог знать?

Доктор Шиммельпфенниг. Ну, как говорится... Я собрал солидный материал, который мог бы мне послужить... Но тише!.. Я так привык кричать.
(Умолкает, прислушивается, подходит к двери, затем возвращается.)

Лот. Я хочу изучить здешние условия.

Доктор Шиммельпфенниг (приглушенным

голосом). Отличная идея! (*Еще тише.*) Ты можешь получить материал и у меня.

Лот. Еще бы, ты ведь должен хорошо знать здешнюю жизнь? Каков здесь семейный быт?

Доктор Шиммельпфенниг. Нищенский. Везде и всюду пьянство! Обжорство, кровосмесительство и, как следствие, повсеместное вырождение.

Лот. Но ведь встречаются исключения?

Доктор Шиммельпфенниг. Почти что нет.

Лот (*беспокойно*). А не поддавался ли ты соблазну жениться... на дочери какого-нибудь вицдорфского толстосума?

Доктор Шиммельпфенниг. Тьфу, черт! За кого ты, брат, меня принимаешь?.. С таким же успехом ты мог бы спросить меня...

Лот (*бледнеет*). То есть?.. Как это?

Доктор Шиммельпфенниг. Ну да... погоди, что с тобой? (*Внимательно смотрит на него.*)

Лот. Нет, ничего! Что со мной будет?

Доктор Шиммельпфенниг (*вдруг задумывается, медленно шагает по комнате, потом останавливается, тихонечко насвистывая, бросает беглый взгляд на Лота и говорит про себя, приглушенным голосом*). Худо!

Лот. У тебя какой-то странный вид.

Доктор Шиммельпфенниг. Тихо! (*Прислушивается и быстрыми шагами уходит из комнаты через среднюю дверь.*)

Елена (*через несколько мгновений входит через среднюю дверь*). Альфред! Альфред!.. Ах, ты здесь... слава богу!

Лот. Ты что же — думала, что я сбежал?

Обнимаются.

Елена (*отстраняясь от него, вскрикивает с выражением ужаса на лице*). Альфред!

Лот. Что с тобой, любимая?

Елена. Ничего! Ничего!

Лот. С тобой что-то происходит?

Елена. Мне показалось, что ты так холоден... так... Ах, меня одолевают глупые фантазии.

Лот. Как дела наверху?

Елена. Доктор ругается с акушеркой.

Лот. Скоро ли все кончится?

Елена. Откуда мне знать?.. Но как только... как только наступит развязка, так мы сразу...

Лот. Что — сразу?.. Говори, пожалуйста! Говори, что ты хотела сказать?

Елена. Нам сразу же нужно уйти отсюда. Сразу! Немедленно!

Лот. Раз ты, Ленхен, считаешь, что так нужно...

Елена. Да-да! Мы не должны больше ждать! Так лучше всего — для нас обоих. Если ты теперь меня не возьмешь с собой, если оставишь меня здесь, то... тогда... тогда... я погибну.

Лот. До чего ты недоверчива, Ленхен!

Елена. Не говори так, любимый! Тебе все доверяют, тебе нельзя не верить!.. Но только когда я буду твоей... только тогда ты меня ни за что не бросишь. *(Вне себя.)* Я заклинаю тебя! Не оставляй меня. Только не бросай меня. Не уходи... слышишь, не уходи, Альфред! Все кончится, все! — как только ты уйдешь отсюда без меня.

Лот. Какая ты все же чудачка!.. И еще говоришь, что ты доверчива?.. Ох, как они здесь тебя мучают, как чудовищно тебя терзают — гораздо страшнее, чем я когда-либо... Да, мы уйдем отсюда еще этой ночью. Я готов. Как ты хочешь, так мы и поступим.

Елена *(с возгласом благодарности падает ему на грудь)*. Любимый! *(Как безумная, обнимает и целует его, затем быстро убегает.)*

В среднюю дверь входит доктор Шиммельпфенниг. Он успевает заметить, как Елена исчезает в дверях зимнего сада.

Доктор Шиммельпфенниг. Кто это?.. Ах так! *(Про себя.)* Несчастное существо! *(Со вздохом садится к столу, находит недокуренную сигару, отбрасывает ее, вынимает из портсигара новую, принимается постукивать ею о стол, задумчиво вперив взгляд в пространство.)*

Лот *(следя за его движениями)*. Вот точно так ты восемь лет назад обивал каждую сигару об стол, прежде чем закурить.

Доктор Шиммельпфенниг. Возможно!.. (*Закурив.*) Послушай-ка, ты!

Лот. В чем дело?

Доктор Шиммельпфенниг. Ты ведь поедешь со мной, как только наверху закончится эта история?

Лот. Нет, не поеду, к сожалению.

Доктор Шиммельпфенниг. Мне хочется еще раз основательно и начистоту поговорить с тобой обо всем, что накопилось.

Лот. Мне тоже. Но сегодня я не могу поехать с тобой.

Доктор Шиммельпфенниг. Ну, а если я категорически и торжественно заявлю тебе, что нам нужно обсудить... Лот, я обязан еще этой ночью обсудить с тобой одно очень важное дело.

Лот. Смешной ты, право! Я полагаю, что твои слова не следует принимать всерьез! Не так ли?.. Сколько лет ты откладывал разговор, а теперь не хочешь обождать до утра?.. Пойми, я не ломаюсь.

Доктор Шиммельпфенниг. Значит, верно! (*Встает, ходит по комнате.*)

Лот. Что верно?

Доктор Шиммельпфенниг (*останавливается перед Лотом, смотрит в упор в его глаза*). Значит, в самом деле у тебя что-то с Еленой Краузе?

Лот. У меня?.. Кто тебе...

Доктор Шиммельпфенниг. Как ты мог связаться с этой семьей?

Лот. Откуда ты знаешь?

Доктор Шиммельпфенниг. Нетрудно догадаться.

Лот. Ну, тогда молчи, бога ради, чтобы никто...

Доктор Шиммельпфенниг. Вы помолвлены по всем правилам?

Лот. Что понимать под правилами? Во всяком случае, мы решили.

Доктор Шиммельпфенниг. Гм!.. Как ты угодил сюда, в эту семью?

Лот. Гофман — мой школьный товарищ. Он был одно время членом моего колониального союза, хотя в делах его активно не участвовал.

Доктор Шиммельпфенниг. Я слышал об этом в Цюрихе... Значит, ты имел с ним дела! Какой-то двупольный субъект, печальное явление.

Лот. А он и в самом деле какой-то двупольный!

Доктор Шиммельпфенниг. В сущности, и того хуже... Слушай, говори честно!.. Ты серьезно за-теял историю с этой Краузе?

Лот. Разумеется!.. Ты сомневаешься? Надо думать, что ты не считаешь меня мошенником?

Доктор Шиммельпфенниг. Хорошо! Смотри только не перестарайся... Ты, конечно, мог перемениться за столь долгий срок. Почему бы нет? В этом не было бы ничего страшного. Немного юмора тебе тоже не повредило бы! Не понимаю, почему ты все принимаешь с такой проклятой серьезностью?

Лот. Для меня это очень серьезно. *(Встает и следует на расстоянии шага за Шиммельпфеннигом.)* Ты ведь не знаешь, и я не могу объяснить тебе, что значит для меня это чувство.

Доктор Шиммельпфенниг. Гм!

Лот. Ты, друг, даже представить себе не можешь, что это за состояние. Его не узнать раньше, чем оно не пришло, пока его только ждут. Но, когда его узнаешь, тогда... Тогда можно просто обезуметь от страсти.

Доктор Шиммельпфенниг. Сам черт не разберет, как вы доходите до этой безрассудной страсти.

Лот. Ты тоже от нее не гарантирован.

Доктор Шиммельпфенниг. Хотел бы я видеть, как это...

Лот. Ты рассуждаешь, как слепой о красках.

Доктор Шиммельпфенниг. А что я получу от этого мимолетного опьянения? Просто смешно! И строить на такой почве брачный союз на всю жизнь... Ведь это хуже, чем на песке.

Лот. Опьянение... опьянение... Тот, кто видит в этом только опьянение, тот ничего не смыслит. Опьянение проходит быстро. Опьянения у меня бывали, не буду отрицать. Но это — нечто совсем иное.

Доктор Шиммельпфенниг. Гм!

Лот. Ты видишь, я трезв и логичен. Может быть, ты думаешь, что я представляю свою любимую в ка-

ком-то — ну, как бы лучше сказать... — в таком сияющем ореоле? Отнюдь нет!.. Она имеет свои недостатки; она не очень хороша собой, хотя ее и не назовешь уродливой. Рассуждая совершенно объективно, я должен сказать... в конце концов, это дело вкуса... Я такой красивой девчонки еще не встречал. Итак, никакого опьянения! Ты видишь, я предельно трезв. Но, понимаешь, — и в этом самое удивительное! — я даже не могу представить себя без нее... Мне порой кажется, что это как сплав, знаешь, как бывает, когда два металла так нераздельно сплавлены, что о них уже не скажешь — вот это тот, а это другой. И все это так естественно и так просто... Короче говоря, я, возможно, болтаю глупости... или, точнее, все, что я говорю, может тебе казаться чушью. Но я твердо уверен, что тот, кто этого не знает, не более чем жалкая лягушка. И такой лягушкой я был до сих пор... И такой жалкой лягушкой ты остаешься поныне.

Доктор Шиммельпфенниг. Законченный комплекс симптомов... Такие парни всегда по уши вязнут в том, что они же теоретически отвергают, как ты отвергал женитьбу. Сколько я тебя помню, ты всегда страдал этой злосчастной манией.

Лот. Такая уж у меня склонность, прямо-таки склонность. Видит бог, от этого не уйти!

Доктор Шиммельпфенниг. В конце концов, мы можем владеть своими чувствами.

Лот. Только тогда, когда это имеет смысл!

Доктор Шиммельпфенниг. А какой смысл в женитьбе?

Лот. О нем я и говорю. В женитьбе есть смысл! По крайней мере для меня. Ты не знаешь, как я, не щадя своих сил, вгрызался в жизнь. Поверь, я не сентиментален. Раньше я, возможно, даже не чувствовал и не сознавал, что в стремлениях моих было нечто чудовищно пустое, нечто механическое, как у машины. Ни разума, ни темперамента, ни жизни — и, кто знает, сохранилась ли у меня вера? И вот теперь все это приходит... Все это возвращается ко мне. И приходит вновь такое полное сил, такое первозданное, такое радостное... Как глупо, что ты ничего этого не понимаешь.

Доктор Шиммельпфенниг. Все, в чем вы нуждаетесь, — вера, надежда, любовь, — для меня все это — только мусор. По существу, все гораздо проще: человечество агонизирует, и мы даем ему наркотики, чтобы облегчить его страдания.

Лот. Это твоя новейшая точка зрения?

Доктор Шиммельпфенниг. Вот уже пять-шесть лет, как она остается неизменной.

Лот. Поздравляю тебя!

Доктор Шиммельпфенниг. Благодарю!

Длительная пауза.

(После нескольких нервических движений.) К сожалению, дела таковы, что я считаю себя обязанным... Я должен тебе объяснить... Я думаю, что ты не сможешь жениться на Елене Краузе.

Лот (холодно). Ты думаешь?

Доктор Шиммельпфенниг. Да, я так полагаю. Имеются препятствия, которые именно тебе...

Лот. Послушай! Говори, бога ради, без обиняков. Вопрос не так уж сложен, он, в сущности, ужасно прост.

Доктор Шиммельпфенниг. Скажи лучше — просто ужасен.

Лот. Я говорю о препятствиях.

Доктор Шиммельпфенниг. И я тоже, отчасти. Да и вообще! Я не уверен, что ты посвящен в здешние дела.

Лот. Я имею довольно точное представление.

Доктор Шиммельпфенниг. Тогда ты отступил от своих принципов?

Лот. Шиммель, прошу тебя, выражайся яснее.

Доктор Шиммельпфенниг. Выходит, что ты отказался от своего главного требования. Хотя только что ты дал понять, что и теперь, как прежде, считаешь самым важным произвести на свет физически и духовно здоровое поколение.

Лот. Отказался?.. Отказался? Как мог я...

Доктор Шиммельпфенниг. Тогда ничего не остается... Тогда выходит, что ты ничего не знаешь о здешних делах. Ты не знаешь, например, что у Гофмана был сын, который погиб трех лет от алкоголизма.

Лот. Что?.. Что ты сказал?

Доктор Шиммельпфенниг. Мне очень жаль, Лот, но я должен сказать. Затем ты волен поступить как хочешь. Дело не шуточное... Они и тогда гостили здесь, как теперь. Они вызвали меня, но с опозданием на полчаса. Парнишка изошел кровью.

Лот, глубоко потрясенный, внимательно следит за речью доктора.

Глупый мальчонка потянулся к бутылке с уксусом, в которой он думал найти свою любимую сивуху. Бутылку он уронил, а сам упал на битое стекло. Видишь вот эту вену — она называется *vepa sarhepa*, ее перерезало стеклом.

Лот. Ч-чей... чей, ты говоришь, ребенок?

Доктор Шиммельпфенниг. Гофмана и той самой его жены, которая снова там наверху... И она тоже пьет, пьет до потери сознания, пьет столько, сколько влезет.

Лот. Значит, это не от него... не от Гофмана?!

Доктор Шиммельпфенниг. Упаси бог! В том-то и трагедия этого человека. От этого он сам страдает, насколько он вообще способен страдать. Впрочем, он знал, что входит в семью алкоголиков. Глава семьи вообще не вылезает из трактира.

Лот. Теперь я начинаю понимать многое... нет, я понимаю все... все! (*После глухого молчания.*) Тогда ее жизнь здесь... Тогда жизнь Елены — это же... это... как сказать лучше?.. Мне не хватает слов...

Доктор Шиммельпфенниг. ...Ужасающа! Это очевидно. И мне совершенно понятно, почему ты к ней привязался. Но, как говорится...

Лот. Понимаю, понимаю... Но что же делать? Нельзя ли его... Нельзя ли заставить Гофмана... что-нибудь сделать? Не можешь ли ты его расшевелить? Ее надо вырвать из этого болота...

Доктор Шиммельпфенниг. Из семьи Гофмана?

Лот. Ну да, из семьи Гофмана.

Доктор Шиммельпфенниг. Ты его плохо знаешь... Я, правда, не думаю, что он уже развратил ее. Но репутацию ее он запачкал.

Лот (*вспылил*). Если это так, я изобью его... Неужели ты думаешь?.. Ты считаешь его действительно способным на...

Доктор Шиммельпфенниг. На все, на все считаю его способным — на все, что может сулить ему удовольствие.

Лот. Тогда она — самое целомудренное создание, какое только существует... (*Медленно берет в руку шляпу и палку, надевает сумку.*)

Доктор Шиммельпфенниг. Что ты намерен делать, Лот?

Лот. Не встречаться!..

Доктор Шиммельпфенниг. Ты, значит, решился?

Лот. На что?

Доктор Шиммельпфенниг. Порвать ваши отношения?

Лот. Как же я могу не решиться на это?

Доктор Шиммельпфенниг. Могу сказать тебе как врач, что нам известны случаи подавления наследственных пороков. Ты дал бы, конечно, своим детям разумное воспитание.

Лот. Отдельные случаи не в счет.

Доктор Шиммельпфенниг. И вероятность, Лот, не так уж мала, чтобы...

Лот. Это нам не поможет, Шиммель. Дело ясное. Есть три возможности! Либо я женюсь на ней, и тогда... но это не выход. Либо — пуля в лоб. Это по крайней мере дает покой. Но нет! Мы еще не дошли до этой крайности, мы этого не можем себе позволить... Итак — жить! бороться!.. Идти вперед, всегда вперед. (*Взгляд его падает на стол, он замечает письменный прибор, принесенный Эдуардом, садится, хватая перо, колеблется.*) Или, наконец...

Доктор Шиммельпфенниг. Я обещаю объяснить ей положение дел.

Лот. Да-да! Именно так... Я не могу иначе. (*Пишет, вкладывает письмо в конверт, надписывает его. Поднимается с места и подает Шиммельпфеннигу руку.*) Во всем остальном я уповаю на тебя.

Доктор Шиммельпфенниг. Ты едешь ко мне, не так ли? Мой кучер отвезет тебя.

Лот. Скажи мне, а может быть, нужно попытаться извлечь ее из рук этого... человека? Ведь иначе она, безусловно, станет его добычей.

Доктор Шиммельпфенниг. Ты хороший, достойный сочувствия парень! Что тебе посоветовать? Не отнимай у нее того... немногого, что ты ей оставляешь.

Лот (*глубоко вздохнув*). Выстрадать... Ты, вероятно, прав... Да, ты решительно прав.

Слышно, как кто-то нервно сбегает по лестнице. Через мгновение в комнату врывается Гофман.

Гофман. Господин доктор, прошу вас, бога ради!.. Она без чувств... Роды кончаются... Помогите же ей наконец...

Доктор Шиммельпфенниг. Иду наверх. (*Лоту, многозначительно.*) До свидания! (*Гофману, который хочет последовать за ним.*) Господин Гофман, я должен просить вас... Всякое вмешательство, всякая помеха могут быть смертельно опасными... Лучше всего было бы вам остаться внизу.

Гофман. Вы требуете слишком многого... Но... что делать?!

Доктор Шиммельпфенниг. Не более, чем нужно. (*Уходит.*)

Гофман (*остается; замечает Лота*). Я дрожу, волнение пронизывает все мое существо. Скажи, пожалуйста, ты хочешь уезжать?

Лот. Да.

Гофман. Сейчас, среди ночи?

Лот. Мне только до Шиммельпфеннига.

Гофман. Вот как! Конечно... обстоятельства сложились так, что быть у нас — и в самом деле не удовольствия... Итак, всего хорошего...

Лот. Благодарю за гостеприимство.

Гофман. А как же с твоими намерениями, с твоим планом?

Лот. С каким планом?

Гофман. С твоей работой, — я имею в виду твое экономическое сочинение о нашем районе. Должен тебе

сказать... Хочу просить тебя как друга, искренне и сердечно...

Лот. Не беспокойся. Завтра я перевалю через горы.

Гофман. Это, действительно... *(Обрывает фразу.)*

Лот. ...очень мило с твоей стороны, — ты это хотел сказать?

Гофман. В сущности, да... в известном смысле. Впрочем, извини, я так ужасно взволнован. На меня, Лот, ты можешь всегда рассчитывать! Старые друзья все-таки всегда самые лучшие. Прощай, Лот, прощай! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Лот *(раньше, чем уйти, оборачивается и словно вбирает взглядом в свою память всю комнату. Тихо)*. Теперь можно идти. *(Уходит, бросив последний взгляд на комнату.)*

Несколько мгновений комната остается пустой. Доносятся приглушенные крики и шум шагов, затем появляется Гофман. Закрыв за собой дверь, он спокойно извлекает записную книжку и, раскрыв ее, что-то в ней подсчитывает. Потом он отрывается от своего занятия, прислушивается, проявляет беспокойство, идет к двери и снова прислушивается. Вдруг кто-то стремительно сбегает по лестнице. В комнату врывается Елена.

Елена *(еще снаружи)*. Зять! *(В дверях.)* Зять!

Гофман. Что там?.. Что случилось?

Елена. Соберись с силами — ребенок мертв.

Гофман. Боже *(Выбегает из комнаты.)*

Елена *(одна. Осматривается и тихо зовет)*. Альфред! Альфред!! *(Не получая ответа, начинает кричать все сильнее.)* Альфред! Альфред! *(Спешит к дверям, ведущим в зимний сад, смотрит в них испытующим взглядом. Выбегает в зимний сад. Вскоре появляется снова.)* Альфред! *(Все более встревоженная, подбегает к окну, смотрит на него.)* Альфред! *(Распахивает окно, встает на стул, стоящий возле него.)*

В этот момент со двора отчетливо доносятся вопли пьяного хозяина Краузе, ее отца, возвращающегося из трактира: «Так-то, так, не у меня ли парочка дочерей красавиц, так-то?» Елена издает короткий крик и бежит, словно преследуемая кем-то, к средней двери. По пути она обнаруживает письмо, оставленное Лотом на столе. Она хватает его, разрывает конверт, быстро читает, громко произнося отдельные слова из письма: «непреодолимы!», «никогда больше!» Она роняет письмо из рук, шатается: «Все кончено!» Она

пересиливает себя, хватается обеими руками за голову, кричит коротко и резко: «Все кончено!» Выбегает через среднюю дверь. Голос хозяина Краузе приближается: «Разве этот сад не мой? Не у меня ли красавица баба? Чем я не красавец мужчина?» Елена, все еще в поисках, как безумная вбегает из зимнего сада и встречает Эдуарда, который идет за чем-то в комнату Гофмана. Она обращается к нему: «Эдуард!» Он отвечает ей: «Фрейлейн?» Она спрашивает: «Я хочу... я хочу видеть господина Лота...». Эдуард отвечает: «Господин доктор Лот уехали в коляске господина доктора Шиммельфеннига!» Затем он исчезает в комнате Гофмана. «Это правда?» — вскрикивает Елена и с трудом удерживается на ногах. Ее охватывает энергия отчаяния. Она бежит к авансцене и хватается охотничий нож с перевязью, который висит на оленьих рогах над диваном. Она прячет его и молча стоит в темноте, господствующей на авансцене, пока Эдуард, вернувшийся из комнаты Гофмана, не выходит в среднюю дверь. Голос хозяина Краузе звучит все отчетливее: «Так-то, так! Ну чем я не красавец мужчина?» При этих звуках Елена, точно по сигналу, бросается в комнату Гофмана и исчезает в ней. В опустевшей комнате слышится голос пьяного Краузе: «Так-то, так! Разве не у меня самые красивые зубы, хе? Не у меня ли самый лучший сад?» Через среднюю дверь входит Миля. Она смотрит по сторонам ищущим взглядом и зовет: «Фрейлейн Елена!» И снова: «Фрейлейн Елена!» Ее крики прерываются голосом хозяина Краузе: «И деньги мои!» Миля бежит к комнате Гофмана, входит в нее, оставляя открытой дверь. Она тотчас же выбегает оттуда в безумном испуге. С криком мечется она по комнате, с криком бросается из комнаты в среднюю дверь. Ее непрерывный вопль слышится еще несколько секунд, все более удаляясь. Затем слышно, как открывается тяжелая наружная дверь, как она с грохотом захлопывается, как шумно вваливается, запинаясь о порог, хозяин Краузе. И наконец совсем близко раздается хриплый, гнусавый, запинаящийся голос пьяницы: «Так-то, так! Не у меня ли парочка дочерей красавиц?»

З а н а в е с